

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ

Баловни и изгои

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр Котельников

**Баловни и изгои.
Исторический роман**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Баловни и изгои. Исторический роман / П. П. Котельников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749315-8

Вам никогда не удавалось встретить своего двойника? Или вас никогда и ни с кем не путали, а потом не извинялись перед вами за сделанную ошибку? Или вы не ошибались, приняв абсолютно незнакомого вам человека за близкого? У крупных государственных деятелей двойники часто играют самостоятельную роль в исторических событиях.

ISBN 978-5-44-749315-8

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Где-то разгуливают и Ваши двойники?	6
Не повезло магу	9
Был ли это сын Персея?	18
Мог бы властвовать лже-Нерон?	21
Опасное сходство, или «Железная маска»	32
Тень облачается плотью	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Баловни и изгои
Исторический роман
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2016

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4474-9315-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где-то разгуливают и Ваши двойники?

Вам никогда не удавалось встретить своего двойника? Или, вас никогда и ни с кем не путали, а потом, не извинялись перед вами за сделанную ошибку? Или вы не ошибались, приняв абсолютно незнакомого вам человека за близкого?

Мне, признаться, приходилось испытать все это неоднократно. Я даже знал хорошо фамилию своего «двойника». Он носил фамилию Дзенциол, далеко по звучанию отстоящую от славянской, чтобы я мог подумать, хотя бы об отдаленном родстве между нами. Меня окликали, останавливали и пытались со мной поговорить абсолютно мне незнакомые люди. Мне приходилось их убеждать в том, что они обознались. Они недоуменно, и даже недоверчиво посматривали на меня, пожимая плечами. Лично я не был знаком со своим двойником, Признаюсь, мне почему-то и не хотелось встречаться с ним. Он относился к «водоплавающему братству», ходившему на рыболовецких судах в заграничные плаванья. Мне в молодости говорили о том, что я похож на киноактера Вячеслава Тихонова. Гордости по этому поводу, как, впрочем, и беспокойства, я не испытывал. Ошибался и я, встречая людей, как капля воды, похожих на тех, кого я хорошо знал. Однажды, проезжая по главной улице небольшого украинского городка Ромны, что находится в Сумской области, и, остановившись напротив районного универмага, я увидел в десяти-двенадцати шагах от себя девочку подростка, всем походившую на племянницу. Она, не спеша, направлялась к дверям универмага. Я был поражен, отлично зная, что племянница осталась в сотне километров отсюда, и никаким образом попасть сюда не могла. Но, рост, походка, внешность – все было такое же, как у племянницы. Совпадала и одежда (курточка и короткая юбка), которую та любила носить в повседневное время. Оказалось, что так же, как и я, были удивлены этой встречей и мои родные, ехавшие со мной в автомобиле. Так и хотелось крикнуть: «Галка, как ты здесь оказалась?»

Подойдя к ней ближе, я уже не сомневался, что вижу девочку, к облику которой за много лет привыкли мои глаза. Думаю, что лицо мое озарилось улыбкой, но тут же потускнело, когда она повернула свое лицо ко мне. Лицо было, несомненно, племянницы, но скользнувший по мне, и по моим близким, ее равнодушный взгляд, сообщил нам, что мы ошибались. Это был двойник племянницы.

В другом случае: я стоял с отцом своим у обочины дороги вблизи магазина. На телегу грузились какие-то ящики и тюки. Человек, повернувшийся к нам лицом, в какое-то мгновение, был никто иной, как мой родной дядя, брат отца. Меня только удивил род его занятий! Он никогда не имел никакого отношения к торговле. И все же, я решил сдвинуться с места и направиться к Ивану Иосифовичу, чтобы поприветствовать его. Видя начало моих действий, отец взял меня за руку и сказал, тихо смеясь: «Это не Иван, я тоже не раз ошибался при встрече с ним!»

Когда гляжу на двойника,
Настойчиво мысль бьется:
Подобие, наверняка,
Зачем-то создается?

И, несомненно, неспроста,
Задумано так Богом —
Не с одного начать листа,
А с многих, да и много!

Этот разговор о двойниках я начал для того, чтобы вы поняли, что мир живых людей, несмотря на великое множество типажей, имеет схожесть не только по основным параметрам строения, но и может быть подразделен на определенные группы, которые имеют сходство в мелких деталях, делают их очень похожими друг на друга.

Ваш взгляд может не уловить различий в группе людей одной расы, впервые увиденной вами. Пусть попробует европеец, впервые попав в китайский квартал, и увидев группу китайцев, одного роста, одной статуры, одетых одинаково, отличить друг от друга? Они покажутся ему скроенными на одно лицо.

Я думаю, что мысль об этом послужила основой для создания Марк Твеном рассказа, в котором осуждают на смерть китайца, несмотря на все его разумные и неопровержимые свидетельства того, что он никак не мог быть участником инкриминируемого ему преступления. И чудовищный финал рассказа: «Повесить!»

Правда, им же, Сэмюелем Клеменсом, была творчески обработана тема двойников в повести «Принц и нищий», до сих пор находящей отклик в детских душах.

Я не могу привести доказательств тому, что в мире людей, каждый из нас имеет не менее пятидесяти двойников, живущих, естественно, в разных странах и на разных континентах. И, несмотря на отсутствие таких доказательств, это – факт. Я не сомневаюсь, что все эти двойники не имеют никакой генетической связи между собой, даже в невероятно далеком прошлом.

Каков был замысел Создателя, можно пытаться догадаться, но едва ли это будет соответствовать действительности? Одно известно мне, что у двойников этих может быть не только внешнее сходство, но и схожесть судеб и наклонностей.

Создается представление о создании определенных человеческих обобщающих моделей, проходящих испытание в различных условиях в едином отрезке времени, именуемом жизнью! Я всякий раз дивлюсь величию замыслов Творца, которые при всей открытости для нас, остаются тайной, и не только для меня, глубоко в это верящего. Мы приоткрываем узкие щелочки, через которые пытаемся коснуться этих тайн, но тщеславие наше не позволяет рассмотреть тех бед, которые мы создаем своим открытием. Этими действиями мы напоминаем мифологическую Пандору с подаренным ей ящиком, хранящим в себе все беды человечества. Я понимаю простоту решения проблем, предлагаемых атеистами, но согласиться не могу. Да и спорить бесполезно. Нигилизм для себя не требует доказательств. Что может быть решительнее и надежнее отрицаний?

Можно было бы на этом остановиться, просто констатируя наличие двойников, если бы они не являлись основой для появления множества самозванцев на разных ступеньках иерархической человеческой лестницы. Это может происходить на уровне безобидного обмана, но может служить причиной чудовищных государственных потрясений, затрагивающих и коверкающих тысячи человеческих судеб.

Естественно простая имитация поведения известного человека беды окружающим не несет. Ну, скажем, чем мог навредить живший во времена А.С.Пушкина в Петербурге чиновник, делец и третьестепенный литератор Александр Львович Элькан. Ему так хотелось быть фигурой более значимой, чем та, которую воспринимали люди ему знакомые. Человек этот, владеющий многими иностранными языками, выдавал себя за потомка какого-то арабского владыки, используя особенность звучания своей фамилии. Элькан имел большое внешнее сходство с Пушкиным и иногда, нарочито, выдавал себя за него. Однажды некая дама, приехавшая в Санкт-Петербург, встретила Элькана на Невском проспекте и, приняв его за Пушкина, восторженно стала хвалить его произведения. Александр Львович, покачивая головой, с достоинством выслушал похвалу, поблагодарил даму и даже пригласил ее к себе в гости. Следует представить себе удивление настоящего А. С. Пушкина, когда к нему с визитом на следующий день пришла совсем незнакомая барыня?. Пушкин, будучи знакомым с Эльканом, догадался, что визитом к нему незнакомой дамы он был обязан проделке Элькана.

Только поэтому он принял ее, и имел, как принято сейчас говорить, продолжительную и приятную беседу.

Кстати, Элькан послужил прототипом мошенника и плута Загорецкого в комедии «Горе от ума». А. С. Грибоедова, который тоже был знаком с Эльканом. Впрочем, кто тогда не знал Александра Львовича, который, ложась спать, во сне видел себя в ряду русских знаменитостей.

Двойники были и у других известных писателей. Опишу случай, произошедший с М. Горьким, когда тот совершал поездку по Италии. Это было летом 1913 года. Горький увидел на стене дома одного итальянского города афишу: «Сегодня пьеса „На дне“ идет под режиссурой автора». Горький был настолько заинтригован, что сделал остановку в этом городе, не долго думая, купил билет на спектакль. После первого акта на вызов публики вышел «М. Горький» в косоворотке и стал раскланиваться. Изумленный русский писатель отправился за кулисы, чтобы познакомиться со своим двойником. Тот, не слишком смущаясь, признался, что гримироваться под разных писателей стало потребностью души, можно сказать, его специальностью. Он привык принимать не только аплодисменты, но нередко и гонорары. Горький посмеялся, но отметил большую схожесть с ним «Лже-Горького».

Множество двойников было у А. П. Чехова. Однажды один из таких двойников Чехова, ехавший на пароходе по Волге, напился и начал буянить. Долго не могли уговорить дебошира, старались, как можно деликатнее с ним обходиться – все же... известный писатель. Газета по этому поводу писала, что на том же пароходе находился и настоящий писатель Чехов, с любопытством наблюдавший всю эту историю.

Когда Чехову показали эту заметку, он долго смеялся. Дело, оказывается, было в том, что Чехов вообще не ехал на том пароходе. И второй Чехов, о котором говорилось в заметке, тоже был его двойник.

Не всегда двойник щадит достоинство того, роль которого он играет. И настоящему, известному, почитаемому многими, достается не по заслугам его.

Так, однажды к Чехову пришло письмо со станции Тихорецкой от железнодорожного служащего следующего содержания: «Милостивый государь, Антон Петрович! Когда вы возвратите взятые тогда-то у меня деньги!..» Чехов недоуменно ворочал в руках конверт, думая: «Отвечать на него, или не отвечать?» Следует сказать, что двойник Чехова не только обманул железнодорожника, умыкнув у него деньги, но он еще изменил и отчество настоящего Чехова.

Не повезло магу

Когда приходится иметь дело с весьма удаленными во времени историческими событиями, приходится думать и о том, какое имело место вмешательство в них двойника, значимого в историческом плане лица?

События, описываемые мною ниже, произошли в VI веке до нашей эры. Происходили они на территории древней Персии, бывшей в то время могучим и богатым государством. Правил этим обширным государством Кир. Славный был государь и «ласковый». Скажем, проштрафился царедворец, нужно его наказать. Царь приказывает отрезать ему уши, чтобы тот лучше слушал своего государя. Наказание по тем временам малое, соответствующее современному – «поставить на вид!» Такому наказанию как-то подвергся и маг царя Кира по имени Гаумата. Называю имя мага, как, впрочем, и наказание, определенное ему потому, что они играют большую роль в событиях того времени. Было у Кира два сына: Бардия и Камбис. Бардия был чуть моложе, и, понимая, что на пути к престолу ближе находится старший брат Камбис, не стремился к познанию дел государственных, не слишком любил и военные игры, часто уединялся, занимаясь науками, в том числе и любовными. Наука требовала наставника умного, знающего, и терпеливого. Таким в окружении Кира был маг, упомянутый выше, Гаумата. С этим Гауматой царевич Бардия проводил большую часть своего времени, присутствуя только на тех церемониях, где его присутствие было строго обязательным. Все придворные считали младшего царевича несколько странным, поскольку он еще был и добрым по отношению к слугам. Старший царевич Камбис, напротив, был нрава крутого, злого, мстительного. Но эти качества, хотя и хорошо были замечаемыми, но своего развития пока не получали. Мешал барьер между царевичем и реальной властью, олицетворяемой самим Киrom. Но вот пришла разрушительница спокойствия и отобрала жизнь у правящего царя.

Не радость, злость рождает власть,
И добрый превращается в тирана,
Растет, как снежный ком, желаний
страсть,
И пресыщенье наступает рано.

А от него совсем рецептов нет,
Один спасенье ищет в войнах,
С соседями воюет много лет,
Повсюду льется кровь, и мир похож
на бойню.

Другой устал от оргий и утех,
И до любви душе его нет дела
Не будит по утрам здоровый детский
Смех.
Монарха тело к чувствам охладело.

И расставаться с властью силы нет,
Проклятая, по шею засосала.
А подданным его всегда покоя нет,
И чтоб ни делали, владыке мало.

Не дремлют и другие, власть любя;
Чуть только брешь, к ней тянут руки,
Как воронье, на павшего слетят!
А что народ? Как прежде – терпит муки.

И каждый по себе готов оставить след
На скалах, в мраморе, металле,
Чтоб сохранить на много-много лет,
Деяния его потомки прочитали.

После траурных церемоний царскую корону возложили на голову Камбиса. Новый царь первым делом решил избавить себя от возможного конкурента – родного брата. Преданный Камбису человек по имени Гист получил от царя приказ тайно, чтобы никто об этом не узнал, не проведал, убить Бардию. Для этого была использована темная ночь, ее вторая половина, когда даже стража позволяет себе сомкнуть веки. Действительно, убийство прошло никем незамеченным, чему способствовала сама замкнутость жизни царевича. Никто не кинулся его разыскивать, так как привыкли к его долгим отлучкам. Теперь ничто не могло мешать действовать новому царю. Натура Камбиса требовала особой широты действий, которые он и развернул в виде войны против Египта. В короткое время Египет был завоеван им. Еще никогда египтянам не приходилось видеть такой жестокости.

Ну, что поделать, мир такой —
Жестокостью величье утверждают,
Египет поражен был ужасом, тоской,
Людей казнят, их храмы разрушают.

Времена те добротой вообще не славились. Что творили завоеватели того времени, можно судить по надписям, оставленным царями ассирийскими. Скажем, царь Тиглатпаласар Первый пишет об уничтожении одного из вражеских городов следующее: «Он прошел этот путь за три дня. С восходом солнца, когда их земля раскалялась, он вспарывал беременным животы, он протыкал тела слабым. Сильным он перерубал шеи». Как видите, о себе царь ведет повествование от третьего лица. Ашшурнасирпал делает клинописью запись уже от первого лица: «Я содрал с них живых кожу. Их кожей я покрыл столбы; одних пригвоздил я к стене, других посадил на кол и велел расставить вокруг столбов... Главарям и царским начальникам я отрубил конечности...» Ашшурбанапал, последний великий царь Ассирии, знаток письменности и основатель огромной библиотеки, иными словами, царь просвещенный, хвастался: «Я сжег три тысячи пленных. Никого из них не оставил я живым, чтобы не оказались они заложниками... Я вырвал языки тех воинов, нахальные уста которых говорили дерзости против Ашшура, моего бога, и которые задумали против меня злое... Остальных людей живьем принес я в жертву. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям и волкам...» Мало письменных источников, поскольку грамотных людей было мало, а для неграмотных цари оставляли наскальные изображения величия своих деяний. Например, на рельефах из Ниневии изображены пытаемые пленники, через губы которых протянута веревка. Один конец вождь держит в руке и в то же время копьем выкалывает пленникам глаза. Ну, чем не милое занятие повелителя, «царя царей», как они привыкли себя величать в те времена!

Так что же происходило в Египте, во время покорения его Камбисом, если хроника тех времен объявляет действия его особенно жестокими? Бессмысленная, тупая злоба персидского царя свалилась на головы покоренных египтян. Разрушались египетские храмы. Жилища простых египтян превращались в руины и прах. Жирели крокодилы, объедаясь сбрасываемыми

в реку и мертвыми, и живыми телами. А сколько жрецов и сановников приняли смерть, будучи посаженными на кол?.. И этого Камбису показалось мало, он приказал уничтожать священных животных Египта. Чаша терпения богов, наверное, истошилась, когда они увидели смерть посвященных им животных... И мертвый Бардия вдруг воскрес! Об этом, в самый разгар упоения разрушениями и смертью, сообщил из Персии прибывший гонец с приказом: «Отныне все должны повиноваться не Камбису сыну Кира, а Бардии сыну Кира» Взбешенный Камбис приказал тут же казнить гонца. Затем приказал явиться к нему Гисту. Свирепо глядя на павшего ему в ноги исполнителя его, царских замыслов, Камбис произнес, шипя, но так, чтобы никто другой не расслышал его слов: «Как ты посмел не выполнить моего приказа убить Бардию?» Гист, мелко трясаясь всем телом от страха, клялся всем святым для него, в том числе и именем верховного бога Ахурамазда, в том, что он неукоснительно выполнил тогда приказ Камбиса. Убийство Бардии произошло никем не замеченным, Он сам лично вынес тело за пределы дворца и глубоко зарыл в землю, чтобы его не могли выкопать голодные собаки. Камбис поверил слуге своему, но задумался: «О смерти Бардии знает он, да Гист. Для всех вельмож и чиновников Персии Бардия остается живым, а это делает того, кто прикинулся Бардией, слишком опасным для меня, Камбиса! Ждать нечего! Нужно собирать войска и возвращаться в Пишиявода у горы Аркадриш, что в Персии.

Над Фивами – кровавая заря,
И дышат жаром ветры из пустыни.
Печать проклятья на лице царя,
И рвется нить судьбы его незримо.

Оседлан конь, готовый сесть Камбис,
Рабу он ставит ногу на плечо,
Раб привстает, нога скользнула вниз,
И рана страшная нанесена мечом.

Бог охранял царя от копий, стрел,
Враги его в боях не поразили,
Все просто, на коня так неудачно сел...
Глаза закрылись, покидают силы.

Действительно все так просто произошло. Царь и не торопился, вроде бы? На сборы ушло несколько дней. Но вот войска построены. Царь садится на коня, раб, склонившись до земли, подставляет под ногу царя спину, а затем плечо, потом все происходит так, как написано в стихотворении. Меч царя глубоко вонзается в его же ногу. Рана оказывается настолько глубокой, а врачебная помощь такой неумелой, что Камбис на глазах у всего войска умирает.

Таким образом, кто-то, принявший имя убитого Бардии, становится полновластным царем. Случилось это в месяце виякне 14 числа (11 марта 522 года до нашей эры) Одна за другой все области обширной державы объявили о своей покорности новому царю – Бардии. Армия стала под его знамена. Потому что не было в стране другого человека, который был бы сыном «царя царей» и в силу этого владыкой над персами.

Армия покидала опустошенные египетские Фивы, отправляясь домой. Египет свободно вздохнул с уходом персов. Повсюду закипели восстановительные работы. Слава богам, что персы еще не разрушили египетские ирригационные системы, и можно было надеяться на получение урожая, достаточного, чтобы прокормить оставшееся в живых население.

Отягощенная награбленным, персидская армия растянулась длинной змеей по пыльным дорогам востока, постоянно отражая нападение летучих небольших отрядов лихих наездни-

ков, пытающихся поживиться добром персидских обозов. Иногда персы сами провоцировали сопротивление себе попытками ограбления на пути своем городов и селений. Но вот, наконец, и дом родной. Родные и близкие воинов с радостью встречали возвратившихся живыми сынов и отцов своих. Общего народного ликования не было, поскольку царь не встречал своих военачальников, как это происходило прежде. Только несколько ближайших царских сановников выслушали донесения вернувшихся военачальников и отдали приказ поместить в царскую сокровищницу награбленное золото и серебро.

Прошло полгода... Город продолжал строиться и украшаться. Изящные мраморные лестницы, обрамленные белоснежными колоннами террасы, крылатые быки-колоссы Двуречья у входа в великий храм бога Ахурмазда. Замечательные капители колонн, украшенные фигурами быков и единорогов. Крылатые быки с человеческими головами, изваяния львов и змей красивейшего царского дворца. На базарах и дорогах царства все славили имя нового царя. На три года он освободил своих подданных от налогов и от тягот военной службы. Но, как ни странно, появились и недовольные этими распоряжениями царя. Пока они искусно скрывали свое недовольство друг от друга. Скрывать его перед государем не приходилось. Прошло полгода, а он так и не появился перед своими царедворцами. Распоряжения те получали через евнухов. Поскольку большую часть своего времени царь проводил в уединенной башне за научной работой, а вечера – в гареме, а это соответствовало характеру поведения Бардии, когда тот был царевичем, уединению царя никто не удивлялся. От царя не потребуешь, у царя спросить не осмелишься... Недовольных можно было разделить примерно на две равные группы. Одни – нуждались в военных действиях, война поила и кормила их, поставляя богатства. Вторая группа напоминала рыб-прилипал, они не могли жить без дарующего взгляда господина, им нужны были постоянные милости, которых добивались, рабски служа. Но господина не было видно, не было его, живительного, как дождь, благосклонного взгляда. При равных возможностях вторая группа, вернее, ее отдельные представители, и проявили большую изобретательность в поисках выхода из создавшегося положения. Встречаясь в помещениях царского дворца, они взглядами, не произнося слов, спрашивали друг друга: «Где царь? Что произошло? Почему он так долго не показывается? Что делать?» Ответ состоял из недоуменного пожатия плечами..

У одного из сановников, наконец-то, зародилась здравая мысль: «А является ли царем Бардия? Может, кто-то иной действует под личиной младшего сына Кира?»

Дальше – больше, мысль пробивалась наружу, ассоциируя таинственность поведения царя с исчезновением мага Гауматы: «Куда исчез кудесник? Почему время его исчезновения совпадает со временем объявления Бардия царем? Не сам ли Гаумата, убрав с пути своего слабовольного ученика, младшего царевича, и, воспользовавшись отсутствием Камбиса, вызвавшего всеобщее недовольство, объявил себя царем? В таком случае все становится на места свои: и образ поведения царя, и характер производимых им государственных преобразований. Чтобы царствовать, необходимо и жесткость и жестокость! Человек, не воспитанный в таком духе, и не может вести себя достойно настоящему царю!» Слишком мягок и добр Бардия для настоящего царя? Что-то тут не то?

Но, как проверить это? С кем мыслями своими поделиться, если их высказать даже шепотом опасно? Понимал сановник, что довериться в таком деле можно только самому близкому, самому преданному человеку. Но, такой преданный человек, должен находиться вблизи царя, в пределах хотя бы зримой видимости его. Таким дорогим и близким человеком была его дочь, Федима, находящаяся в гареме царя и ублажающая его юным телом своим. Но доступ в гарем никому из мужчин, кроме самого царя, невозможен. Остается надеяться на помощь кого-нибудь из евнухов, охраняющих внутренние покои дворца. Как теперь жалел сановник, что не обратил внимания в свое время на такую возможность? Проклятые евнухи никогда не дадут и малой возможности, пусть даже краткого мига, для того, чтобы поговорить с доче-

рю. Остается одна возможность передать запиской хоть кончик своих мыслей. А для этого следует определить, кто из евнухов более всего подвержен воздействию золота? И сановник придумал, как это сделать. Как-то он сообщил, что им подобраны в наружных покоях дворца деньги, но он не знает, кому они принадлежат? Он готов их вернуть хозяину. Но прежде, чем передать их владельцу, он хотел бы услышать клятвенное подтверждение того этому факту. И нашелся один из евнухов, который истово клялся именем верховного бога, став клятвопреступником, в деталях сообщая сановнику условия, при которых он утерял деньги. Как ни жалко было сановнику расставаться с собственным золотом, но он это сделал. Мало того, мелкими подачками он стал развращать евнуха. Когда, по его мнению, «плод окончательно созрел», он предложил евнуху помочь ему передать записку дочери, обещая оплатить оказанную услугу золотом. Евнуха охватил страх, но этот страх вступил в борьбу с очень заметной, видимой невооруженным взглядом, алчностью. Оба чувства были равны друг другу. Царедворец заметил это по тому, как быстро забегали глаза евнуха. Чтобы усилить действие денег, он убедил евнуха в том, что практически тот ни за что не отвечает, даже при том условии, что эти действия станут известными государю. «И потом, – говорил он успокаивающе, лаская, убаюкивая взглядом своим слушающего, – кто тебя может выдать, если об этой записке будут знать только я и ты? Причем, самое суровое наказание может ждать только меня. Чем может повредить тебе безвинная записка?»

Поколебавшись, и повздыхав, евнух спрятал записку у себя на груди, а золотые – в карман. Дело было сделано, записка отправилась к дочери сановника:

«Федима, – писал царедворец в ней, – действительно ли тот мужчина, которому ты служишь, – сын Кира?»

Через некоторое время он получил ответ, стоивший ему еще пару золотых:

«У нас в гареме один мужчина, других нет. Но я прежде никогда не видела Бардия».

На другой день, зло, бормоча себе что-то под нос, но, позванивая свежими золотыми в кармане, евнух передавал новую записку Федиме. В ней было написано: «Спроси, как бы случайно, об этом Атоссу, первую жену Бардия? Она-то должна хорошо знать своего брата?»

Не удивляйся читатель такой постановке вопроса сановника прошлой Персии. В Древнем Египте, Древней Персии между девушкой и ее братом часто устанавливались брачные отношения, они были узаконены и религией прошлого. Арабский мир унаследовал такие отношения, поэтому, неудивительно, если вы, читая литературу Востока, встретите обращение мужа к жене, начинающиеся словами: «Дочь моего дяди...» Слава Аллаху, хоть в этом случае исключаются брачные отношения между родными братом и сестрой.

Ответ дочери озадачил сановника. Та писала: «С тех пор, как Бардия стал царем, мы женщины в гареме разъединены и не можем встречаться друг с другом. Я уже полгода не видела ни Атоссу, ни кого-либо из других жен и наложниц царя».

«Значит, – тупик!» – подумал настырный царедворец. И вдруг он вспомнил о признаке, по которому нетрудно отличить царя от мага. Маг был лишен ушей. Ему приходилось носить колпак, прикрывающий зияющие отверстия в голове.

И вновь записка, спрятанная на груди евнуха, пересекает вход в гарем. В ней написано:

«Попробуй, когда уснет твой муж, ощупать его уши, есть ли они у него, или их нет?»

Можно только представить, какой страх охватил Федиму. Ей очень хотелось помочь отцу, понимая, что тем движет что-то слишком серьезное, а не простое любопытство. Он ради него не стал бы подвергать риску свою, и ее жизнь? Она понимала так же, что если муж проснется в момент предлагаемого ей занятия, ее ждет неминуемая смерть, и смерть, к тому же, не самая легкая. Но она и без того слишком далеко уже зашла в своих действиях. Поэтому, усердно помолвившись богу, она решилась...

День отойдет с заботами и зноем,

Вступает темнота в права,
И оживляются гаремные покои
В них шепот слышится и нежные слова.

Владыки посещение – подарок, —
Бурление короткое любви, —
Как вспышка ослепительная, ярок.
Ночь приняла любовь в объятия свои.

Что делать, женщины удел —
В гареме ожиданием томится,
Так часто слышится тоскующий напев,
Мелькают евнухов бестрепетные лица

Могущества любви – мгновения,
Наружу рвется сладкий томный стон,
Потом, естественно, уходит наслаждение,
Сменяют их покой и крепкий сон.

А днем томленье, ожиданье ночи,
Быть может, господин опять придет?..
Три сотни ждут свиданья, между прочим...
(Любовь здесь ожиданием живет).

Федима сама, без помощи рабыни, готовилась встретить посещение властелина. На низком столике были приготовлены фрукты, сладости. В них она добавила небольшое количество банджа (гашиша), только для того, чтобы усилить снотворное действие. В комнате царил полумрак, небольшая лампада с ароматическим маслом едва ли выполняла свое предназначение. Федима знала, что зажигать все остальные лампы в дни прихода повелителя запрещалось. Она еще раз проверила мягкость подушек. Царь на этот раз пришел к ней ранее обычного. Он был всегда добр к ней. И сегодня он щедро одаривал молодую женщину изысканными ласками. Затем пришел ее черед, и на этот раз она превзошла самое себя, настолько утомив государя, что тот быстро и безмятежно уснул, положив голову свою на ее живот. Обычно, утомленная любовью, Федима быстро засыпала. Сегодня этого не произошло, она была возбуждена возможными последствиями ее действий. Когда храп царя перешел в ровное спокойное дыхание, она кончиками пальцев коснулась того места, где должно было находиться ухо. Вместо него под пальцами ее оказался холодный, кожаный валик, ни формой, ни упругостью не напоминающий обычную ушную раковину. Сделав свое дело, она, чтобы не вызвать никаких подозрений у царствующей особы, заставила себя уснуть, поев фруктов с банджем. Проснувшись она тогда, когда царя уже не было. В его отсутствие быстро написала записку отцу. Как радостно и одновременно тревожно билось сердце Федины, когда она передавала записку толстому, безбородому евнуху.

В тот же день сановник твердо знал о том, кто скрывается под личиной царя. Но узнать, еще не означало приступить к действиям. Один неосторожный шаг, и – смерть! Чтобы свершить задуманное, нужно было посвятить в тайну царя людей влиятельных, имеющих значительный вес в обществе, недовольных магом, к тому же смелых, способных и умеющих рисковать. Прошло несколько дней в раздумьях и поисках. Методом проверки и исключений он остановился на шести друзьях, надежности которым он вполне доверял. Вместе с ним число заговорщиков было равно семи. Почему он остановился на этом числе? Только потому, что

верил в магию чисел. А число «семь» было счастливым числом, вселяющим надежду на успех. Под вечер в его доме собрались все, получившие приглашение. Никто из них, кроме хозяина, еще не был посвящен в тайну. Прибывшие, оставив своих коней у коновязи, близь дома хозяина, усьелись на мягких диванах и стали ожидать, что скажет им хозяин. По обычаям персов спешить, приступая к важному разговору, не следовало, а в том, что он будет важен, никто не сомневался. Когда сановник посвятил приехавших в тайну сидящего на троне мага, каждый из слушавших здорово пожалел о приезде своем сюда. Услышанное требовало осмысления, а оно, в свою очередь, требовало времени. А времени-то, как раз, и не было. Каждый мог быть уверенным в том, что один из них, узнав такую тайну, поспешит во дворец, чтобы сообщить об этом магу. Сообщение не только гарантировало сохранение жизни, но делало сообщившего другом царя, и обещало пролиться неиссякаемым дождем материальных благ. Высказать вслух, возникшие мысли, никто не решался. Поэтому молчали, поглядывая друг на друга. Наконец, один из прибывших, военачальник Кира, Мардоний, сказал: «Нам следует разойтись, не привлекая к себе внимания, подготовить необходимые силы для вторжения во дворец! Я полагаю, что действовать не подготовившись, означало бы, изначально ожидать провала!»

С деланным изумлением смотрел на говорившего самый молодой из собравшихся, сын наместника правящего царя, Дарий. Ему недавно исполнилось 28 лет, но он был уже искушенным царедворцем. Первым его взгляда не выдержал Мардоний и, прерывая свою речь, сказал: «Ты, не согласен со мной Дарий? Тогда скажи, в чем я неправ?»

Дарий заговорил твердо и резко, такого от него никто не ожидал:

«То, что ты предлагаешь, изначально пахнет предательством! Откладывать убийство Гауматы невозможно! Я предлагаю действовать незамедлительно, тотчас, не возвращаясь к себе домой! На карту поставлена жизнь каждого из шести нас. Донести и быть прощенным царем может быть только один!. Пока мы действуем в единой связке, у меня есть уверенность в удачном осуществлении заговора. Но я не менее уверен в том, что, отложив дело хотя бы на короткое время, один из нас побежит к царю. И я сделаю это первым, если вы не последуете за мной? Уверяю, у меня больше всех имеется возможностей попасть к магу первым! Надеюсь, вы поняли меня? А теперь – за дело!»

Решительный был сделан шаг, —
Камбис ушел. Надел венец
На голову свою персидский маг...
Но ждал неутешительный конец.

Возможно, и предвидел Гаумата, —
Но власти соблазнитель был плод,
Сидеть на троне так приятно...
И все же, Дарий сделал верный ход...

Все семеро поклялись богами в верности друг другу. Связанные друг с другом клятвой верности, а еще надежнее, взаимным недоверием и страхом друг перед другом, они сели на коней и все вместе подъехали к воротам царского дворца. Все они были настолько знатных фамилий, что стража не стала чинить им препятствий. Но во внутреннем дворе их встретили евнухи, обнажившие мечи. Однако, что могли сделать неповоротливые, женоподобные стражи гарема с теми, кто привык к постоянным сражениям? Евнухи пали, пораженные мечами, но успели наделать криков. Сопровождаемые сзади криками и стоном умирающих евнухов, нападавшие ворвались во внутренние покои гарема, освещенные подобием лампадок, заправленных ароматическим маслом. Маг успел услышать крики и бросился, спасаясь, в одну из темных комнат покоев. Такой прыти от него не ожидали. Здесь его с трудом настиг Мардоний.

Но пустить в ход меч не успел. Они сцепились друг с другом и упали на пол, катаясь по полу, и, пытаясь одолеть друг друга. Силы борющихся были равны. Дарий стоял в нерешительности с занесенным мечом, не зная, что делать?

– Бей мечом! – крикнул Мардоний, продолжая бороться с магом.

– Темно, я не вижу и боюсь поразить тебя! – выкрикнул Дарий.

– Бей по двоим! Бей! Хуже будет, если он останется жив, а сюда прибежит стража!

Дарий взмахнул мечом и настолько удачно, что с одного раза убил мага. Кряхтя и пошатываясь, из-под мертвого тела выбрался Мардоний. Произошло это в месяце багядише 10 числа (29 сентября 522 года до нашей эры).

Царем Персии стал Дарий I Гистасп из династии Ахеменидов. Взял он себе в жены дочь царя Кира Атоссу: этот брак должен был подчеркнуть единство династии Ахеменидов и законность унаследованного Дарием царского достоинства. По приказу Дария на огромной скале был высечен рассказ об этом событии. Заканчивается он такими словами: «Дарий убил мага и стал царем».

Эту надпись может видеть каждый и сегодня. Прекрасно сохранившись, красуется эта надпись, находясь вблизи дороги между современным Тегераном и Багдадом.

Добрым ли оказался царь Дарий, сменивший Гаумату, для человеческого общества? Может, об этом и повествует огромная, высотой в 520 метров скала из белого мрамора, находящаяся в иранском Курдистане вблизи деревни Бехистун?. На ней на уровне 75 метров от подножия в глубокой древности были высечены гигантские, как полагали прежде, изображения богов и людей. Но это была ошибка. Оказывается, это были изображения царя Дария I и стоящих рядом с ним двух воинов. Левой ногой царь попирает лежащего на земле противника. Перед Дарием со связанными руками и веревкой вокруг шеи стоят девять пленных правителей.

Мог ли Дарий избежать творимого им насилия? Едва ли! Ему, после прихода к власти пришлось возглавить поход против восставшего Вавилона. Пока он приводил к повиновению Вавилон, от его державы отпали Сузиана, Лидия, Ассирия, Армения, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия. Год понадобился Дарию, чтобы подавить восставших и восстановить державу Кира и Камбиса в прежних границах.

Довелось Дарию с вольными сынами степей – скифами встретиться. Что хотел получить от скифов, непоседа, царь персов? Одно знаю, встречей этой персам не здорово пришлось гордиться. А вот, в захоронениях скифов после того появилось немалое количество золотых вещиц и изделий из электрона.

Но и неудачи не могли остановить персов. На восстановлении границ Персии Дарий не остановился, ведь недаром говорят, что аппетит приходит во время еды. Пришел этот аппетит и к царю Дарию. В дальнейшем персы захватили Фракию, Македонию и северную часть Индии. Столицей своего государства Дарий I сделал город Сузы. Подчиненные ему народы ежегодно вносили в царскую казну 7740 вавилонских серебряных талантов, что составляет 232 200 кг. серебра. Вдумайтесь только в эту потрясающую воображение цифру. При том, только царский монетный двор имел право чеканить монету. Золотые «дарики» с неизменно высоким содержанием в них золота в течение многих веков станут наиболее надежной денежной единицей Востока, да и не только его.

Но не только золото Дария будут помнить люди. Не только его необычный приход к власти. Помнить будут и непомерное желание овладеть всем известным тогда миром обитания людей. Это он потребовал от древних греков «земли и воды», иными словами – покорности. Помнить будут долго древние греки, которым пришлось с мечом в руках, ценою больших жертв отстаивать свою свободу. Гордые эллины вышли победителями. И стал известен миру нашему марафонский забег, сделанный впервые греческим воином, пробежавшим 42 километра до ворот Афин, чтобы сообщить о победе греков над Дарием!.

Так может быть, все-таки, Лжебардия был бы более добрым царем? Может быть, при нем персам жилось бы значительно легче, и не проливалась бы кровь? Кто теперь скажет?

Был ли это сын Персея?

Был самозванец он, иль нет?
С римлянами сражался лихо.
Прошло с тех пор немало лет,
Но помнит Македония Филиппа.

Маленькая Македония, небольшое пятнышко на карте мира, с народом малым сейчас и миролюбивым. А ведь было и такое: раздулась она до размеров невероятных, во времена, когда ею правил Александр Великий, сын македонского царя Филиппа II. Фаланги воинов царя Александра прошли тяжелой поступью по землям Востока – от великого Нила до Амударьи. Как лоскутное одеяло трещала и рвалась на клочки великая персидская держава под ударом мечей македонцев. В Египте царя Александра, не тронувшего египетских храмов, славили, как сына самого бога Амона, в Самарканде и Бухаре его называли Искандером Двурогим. Какая участь ожидала Индию, не скончавшись скоропостижно воитель великий? Но, если участь Индии можно спроецировать искусственно, учитывая большую территорию и множество людей, проживающих в ней, и предполагать будущее величие ее, то, что говорить о маленькой Македонии, истощившей силы свои великими завоеваниями своего царя, пусть и оставившего неизгладимый след в истории человечества? Распалась держава, созданная Александром Великим, и потускнела слава Македонии, породившей его. Она сама стала объектом нападения извне. Затрещали и рухнули границы Македонии под ударами вторгшихся на ее территорию римлян. Нет, для римских легионов это вторжение не стало легкой прогулкой!.. Македонцы взялись за оружие и с отчаянием обреченных сражались за свою свободу. Но силы были неравными, да и воинское искусство римлян, их выучка и организация, были значительно выше свободлюбивых горцев. В сражении с римлянами пал наследник македонского престола Филипп. Царь Македонии Персей с 171 года по 168 год до нашей эры продолжал вести войну с Римом. Но в битве при Пидне войско его было разбито римлянами, которыми командовал полководец Луций Эмилий Павел, сам он попал в плен и умер в заточении, в Риме. Отчаянное сопротивление македонцев вызвало ужесточение действий римлян. Применяя осадные орудия, они сокрушали стены городов, а, ворвавшись на городские улицы, сеяли смерть и разрушения. Страна лежала в развалинах... Жалкими группами жители покидали свои жилища и уходили в горы. Государство было обезглавлено, некому было объединить разрозненные силы.

Казалось, Македония переживает последние мгновения агонии. И вдруг, внезапно, словно он упал с небес, появился македонец, которого римляне называли Андриком. Сам же себя этот человек называл Филиппом, сыном царя Персея.

Какая разница, кто первый, кто – второй
Жизнь отдает за Родину, свободу:
Персей, или Филипп, и тот, и тот – герой,
Служили македонскому народу!

Поговаривали, что Андрикс родился в семье суконщика в городе Андромиттии, что находился в Пергаме.

В 150 году до нашей эры Андрикс провозгласил себя Филиппом царем Македонии. Не имея достаточных сил он обратился за помощью к правителю Сирии Диметрию Сотеру. Но тот, не желая ссориться с римлянами, вероломно захватил гостя и выдал его римлянам.

Каким-то образом Андриксу удалось бежать из плена в Малую Азию. Он был радушно принят фракийцами. И для этого имелись основания

«Филипп», как две капли воды был похож на царя Персея. Это поразительное сходство не мог не заметить царь Фракии Терес, женатый на сестре погибшего царя Персея. Терес одним из первых признал в Андриксе сына Персея Филиппа. Как сыну, Персея Филиппу Терес вручает командование над своими войсками, сражающимися с Римом. В 149 году до нашей эры Андрикс с войском фракийцев вторгся в Македонию. Вскоре признание Андрикс получает и от других фракийских царей. «Филипп» успешно сражается с римскими когортами. К нему прибывают послы из Византии и Карфагена, обещают поддержку в борьбе с римлянами. Римляне терпят поражения. Но не в духе римлян облагораживать врага... Они распускают слух о том, что македонец вовсе не сын Персея, а Андрикс – сын простого суконщика, человек низкого происхождения.

Кстати, такое поведение было в правилах римлян, показывать иных людей, не римского происхождения, низкими, недостойными, одним словом – варварами. А какое может быть уважение к варвару, в котором более черт от животного, чем человеческих? Римский историк Тит Ливий утверждает, что корону македонских царей водрузил себе на голову человек низкий, презренный; и вновь в его писаниях подчеркивается происхождение Андрикса – от суконщика. Я не знаю, было ли ремесло суконщика таким уже презируемым, но то, что оно далеко отстояло от царского – это факт. Хотя, наверное, быть битым сыном презируемого суконщика, гордому римлянину славы не добавляет. А Андриксу удалось дважды в боях одолеть превосходящие силы римлян!

Пусть не царевич, самозванец – он,
Он не за славу, за свободу бился.
В бою разбитый римский легион:
Победой над собой суконщика гордился?

Из глубины веков протянутая нить,
Хвала или хула преследуют Филиппа.
Но мужества его не очернить:
Недаром кровь его за Родину пролита!

Греческий историк и писатель Павсаний утверждает, что это был действительно сын царя Персея Филипп. Так из глубокой древности к нам пришла загадка: кто же был на самом деле этот человек – царевич Филипп, или его двойник? Но кем бы он не был, жизнь его была яркой, хотя и короткой. Встреча Андрикса с крупным римским войском, которым командовал Квинт Цецилий Метелл, закончилась поражением фракийско-македонского войска. Андрикс попал в плен...

Июньский день. Светило яркое солнце, но жары не ощущалось. От Тибра веяло прохладой. Толпы народа собрались на улицах Рима в предвкушение триумфа Квинта Метелла, возвращающегося из Македонии, которая прежде являлась самостоятельным царством, а теперь была превращена в римскую провинцию, во главе которой стал римский прокуратор. Вот вдали показались стройные ряды римских воинов. Доспехи их ярко сияют на солнце. Лица спокойны, полны достоинства. За строем воинов идет толпа пленников. Впереди других идет Андрикс. На лице его видны засохшие следы крови. Руки скованы цепями, на шее веревка, конец которой свисает ему до пояса. Одежда порвана, грязна. Копна светлых волос падает на лицо, пленник не убирает их. А вот стоя на колеснице, появляется триумфатор. Лицо спокойно и гордо. Движением рук он приветствует римский народ. В ответ раздаются крики восторга.

В Рим возвращается Метелл,
Встречают радостные лица.
Толпа мужских и женских тел.
И негде яблоку упасть,
И места нет, чтоб потесниться.

Пусть Македония мала,
Но в битвах дважды побеждала,
И слава была, и дела,
Но в прошлом все,
Страна истерзанною пала.

Триумф заслужен – честь, хвала!
Метелл стоит на колеснице.
Поднята гордо голова,
У ног его врагов толпа,
Презренных варваров, фракийцев.

Ждать пощады от римлян не приходится. В глазах их смерть варвара – деяние не стоящее внимания. Андрикс после заточения в темнице будет распят на кресте.

Мог бы властвовать лже-Нерон?

Тайное – явное в вечной борьбе,
Редки минуты покоя.
Тайна рождается сама по себе...
Или решение иное?

Появление самозванцев на исторической арене явление хоть и не частое, но имеющее место под солнцем. Стоило только появиться бреши незначительной в системе власти, пусть и едва заметной, как находились лица с взором острым, орлиным, и желанием безмерным, которые не только брешь ту замечали, но и обдумывали, как через нее к власти подобраться, чтобы ею воспользоваться. Не удастся заполучить ее, так, хоть на худой конец присосаться понадежнее, чтоб поток материальных благ не миновал. Опыт прошлых лжецарей ими не изучался, а следовательно, и не анализировался. Будь иначе, поняли б, что все попытки таким образом захватить власть, добром не заканчивались.

Можно ли было ожидать появления после смерти Нерона «липового» императора римского? Следовало, поскольку сам Нерон так расшатал систему управления в Древнем Риме, ломая и разрушая роды патрицианские, поставлявшие и консулов, и трибунов, и диктаторов, и императоров. Это после него на римском троне станут появляться Гальба, Вителлий, Траян и многие другие императоры, которых и римлянами не назовешь, а не только к родам основателей Рима близким стоящим.

Раз появлялись люди незнатные на римском троне, то почему бы не появиться и самозванцам, пытающимся, натянув на себя тогу погибшего императора, власть заполучить? Правда, осуществляя мысль такую, следовало ожидать, что к лакомому куску власти и другие могут потянуться. Да, и использование самого имени Нерона доставляло уйму опасностей. Начать, хотя бы с того, что оно несло на себе печать проклятия. Надеяться, под таким именем легко добиться власти, было нереально. Кто пойдет за таким Лже-Нероном? Кто поддержит в трудную минуту?

Но, вернемся к самому историческому факту появления Лже-Нерона. В одном из городков Малой Азии, не удостоившегося чести быть названным местом рождения самозванца императора римского, но от того не изменившего статуса своего, появился на свет человек. Каким его было детство, история ответа не дала. Но, несомненно, то, что во взрослом состоянии внешне он напоминал Луция Нерона, правившего великой Римской империей. Такая же фигура, объемы груди и живота, и многое другое. Появись тогда в Риме, он обязательно приковал бы к себе всеобщее внимание. Взгляды римлян тянулись бы к нему и сопровождали бы каждое его движение. А на востоке его внешности никто, до поры, до времени, не оказывал никакого внимания. Возможно, потому, что никому не пришла в голову сама мысль сравнивать профиль одного из своих горожан с профилем императора, изображенного на ауресах, золотых монетах. Впрочем, в той среде, в которой пребывал двойник императора, золотые монеты не вращались, а оболочки и асы лика императора на себе не несли. Даже серебряные сестерции не имели права гордиться изображением великого артиста и императора Нерона Агенобарба. Так и появлялся горожанин среди друзей и знакомых, не ведая о своих особенностях тела и лица. Какое имя носил он тогда, история не удосужилась сообщить. Леону Фейхтвангеру пришла в голову мысль назвать того, кто примерил на себя тогу римского императора, Теренцием. Я не стану оспаривать право писателя использовать это имя для героя романа «Лже-Нерон», поскольку в последующих исторических событиях настоящее имя самозванца нигде не было указано. Был ли он римским гражданином, или иудеем,

сирийцем, кто знает? В те времена люди многих народностей, проживающие в многочисленных, прежде свободных государствах, волею римских завоевателей превращенных в провинции, изменяя памяти предков своих, стали пользоваться римскими именами. Не может быть определено и социальное положение двойника Нерона. Дело в том, что римляне, чтобы показать свое презрение к врагу своему, умаляли личное достоинство побежденного, помещая его на самый низ иерархической лестницы общества. Втоптать его достоинство в грязь, показать полную незначимость – это стало для римлян правилом. А какая профессия более всего связана с грязью, почвой? Вы не ошибаетесь, мой читатель, это была профессия горшечника, руки которого постоянно были испачканы глиной. Представить себе только социальное различие, расстояние между горшечником и властителем Великого Рима! Один купается в роскоши, второй зарабатывает жалкие оболы на свое пропитание. Одежда одного – тога из тончайшей льняной ткани или шерсти, второго – набедренная повязка из куска грубого, вечно испачканного глиной полотна. На голове императора тщательно уложенная прическа, благоухающая благоуханиями, у горшечника – войлок из сбившихся волос, издающий неприятный запах прогорклого сала.

И такой, презираемый человек осмеливается вдруг предъявлять права на высочайшую власть?.. Мало того, готовый даже силой ухватиться за нее!

А что у этого человека, кроме схожей внешности с Нероном, имеется? Ну, хотя бы, для этого условия соответствующие появились? Нет таких условий, и сам факт появления такого «простого по исполнению» желания, заменить собою ушедшего в мир иной императора Великой Римской империи становится необъяснимым. Не могло же вот так просто случиться, что, лепя очередной горшок, горшечнику пришла в голову мысль: «Почему бы мне не стать императором?» И что он должен делать для этого? Отставив в сторону глину с гончарным кругом, вымыв наскоро руки в тазу с мутной водой, и, обтерев их о свою одежду, не надевая на босые грязные ноги сандалии, горшечнику следовало выбежать на улицу и кричать, что есть силы: «Вот я перед вами, сограждане, ваш император, случайно избежавший смерти!»

А дальше воображение должно представить следующую картину: народ окружает своего «императора», крики ликования оглашают округу, воскуривается фимиам, аромат его к небесам поднимается.

Клич императора громopodobен: « На Рим! На Рим, друзья! Пора показать сенаторам римским, каково свергать законного правителя!»

Представляете, что внезапно возникло перед вами явление потрясающее, по значимости значительно превосходящее явление Иисуса Христа народу, поскольку Богочеловек отличался от мирских владык величайшей скромностью и смирением великим, думающим о судьбе людей, а не о своих страданиях, чудовищных страданий его, пока еще человеческого тела. А здесь скромностью и не пахнет!

А теперь представим, что должно было в реальности происходить? Должен был быть человек, видевший лично живого императора Нерона, чтобы определить сходство его с двойником. Этот человек должен был разбудить желание двойника сыграть роль умершего императора. Мало того, убедить его в возможности осуществления такой цели, стать повелителем не только Рима, но и многочисленных стран, ставших простыми провинциями. Он же должен был убедить и граждан провинции, где сейчас пребывал двойник Нерона, в том, что этот двойник и есть настоящий император, случайно избежавший смерти. Он же должен был оказать еще и существенную материальную поддержку... По размышлении, приходится прийти к выводу, что «раскручивать» личность лже-императора могло лицо только очень высокого общественного положения, одним словом – местный олигарх. Потом уже, возможно, двойник, овладев людской массой, ставши крепко на ноги, мог не только отказаться от услуг патрона, но и начать преследование того, как потенциальной опасности разоблачения своего.

Все так, пожалуй, и происходило: олигарху, выдвинувшему Лже-Нерона, пришлось бежать от своего протеже в Персию. Сам Лже-Нерон, собрав войско из людей, недовольных властью Рима, двинул его против римлян. На первых порах ему должно было везти, иначе история и самого появления его не показало б. Мелкие отряды римлян, составляющие гарнизоны небольших городов, не могли оказать серьезного сопротивления. Это вселяло уверенность мнимого императора в своей окончательной победе. К сожалению, разноплеменное, плохо оснащенное и мало дисциплинированное войско не выдержало столкновения с регулярным римским войском, возглавляемым Вителием, и было разбито. Лже-Нерон был взят в плен и казнен.

Естественно без поддержки ни одному двойнику многого не сделать. Эта поддержка приходит либо от ослепленных яростью недовольства существующей властью, либо от желания поживиться чем-нибудь! Таких людей понять можно! А как же с двойником Нерона дело обстояло? Лже-Нерон разве только за славой личной шел, как и те, кто стал под знаки его, чтобы след о себе в истории оставить? Славой ведь не поделишься, на кусочки не порежешь, не растереть ее и в порошок, чтоб всем досталось. И потом, следует знать, что слава – только мираж в глазах людей. Свежей памятью живет она. А если память ослабла, изменила?.. Что тогда со славой? Слава и в бесславие может обернуться. И, наконец, какова, слава та? Крепка ли она настолько, чтобы щитом надежным от клеветы, молвы черной, недоброй, защитить? Или под тяжестью ее задыхаться будет? Победоносного воителя слава, или мудреца? Слава борца или оратора? Даже о славе самого Нерона трудно говорить, зная, что он императором Рима стал, только унаследовав славу предков своих, у истоков самой государственности Рима стоящих? И, спрашивается, что с той славой великой сделал потомок, входящий в число самых жестоких государей прошлого? Растерял в несчастьях, преследующих его? Но, известно, в случае несчастий, естественно или искусственно рождающихся, можно рассчитывать и на жалость, какую-то! К Нерону никто жалости и сострадания не испытывал, а вот ненависти породил предостаточно. В конце правления от него отвернулись даже те, кого он всегда поддерживал, кто его славил, надеялся на него, – люд римский простой, объединяемый одним словом – *plebs* (народ). Отвернулся тогда, когда он был голодным, а император не мог накормить его. Но не внезапно все это произошло? На это время требовалось. Недовольство еще созреть должно! А пока римским императором еще восхищались, ему служили, ему многое прощали...

Я пытаюсь понять, как удалось Нерону восстановить против себя мир? Делаю это, отставив в сторону все то, что облечено в художественную форму, и, особенно носящее на себе печать христианства, поскольку, подвергаясь жестокому гонению при Нероне, оно не могло быть объективным по отношению к личности его. Речь должна была пойти о времени самом, об условиях, о событиях предшествующих. Личность правителя – концентрат всего этого! Уже современники Нерона, а за ними и их потомки, видели в императоре не государственный образ, а личность необычную, чаще всего преступную. Исходя из этого, образ Нерона, слепленный историками, окрашен настолько в черные тона, что и разглядеть в нем что-то человеческое, просто невозможно. Напомню, Плиний Старший, естествоиспытатель, погибший при извержении вулкана Везувия, назвал Нерона «чудовищем». У историка Тацита он – «враг рода человеческого»; Светоний характеризует его словами – «наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость».

И там, и там игра идет —
Где император? Где – актер?
И справедлив ли приговор,
Когда бессмертие к проклятию ведет?

Ранние христиане представили имя «Нерон» в числовой древнееврейской транскрипции, сумма составила число – 666. Вспомнили, что апокалипсический зверь из бездны отмечен у св. Иоанна таким же числом. Это сделало предметом живого обсуждения тему – является ли Нерон антихристом, или только его предвестником? Судя по действиям и образу мышления людей раннего средневековья, образ «антихриста» еще не был полон безобразных черт. Напротив, он был внешне прекрасен, о нем говорили, как о падшем ангеле. И одно из имен его было «Люцифер», что означало «Свет несущий». Поэтому и образ Нерона не подвергался внешнему обезображиванию, тем более, что сохранились мраморные бюсты, передающие облик этого Римского императора, вполне приятного, и даже с округлым мягким подбородком, свидетельствующим о мягкости характера.. Иное дело для христиан – душа. Она у Нерона – темна, даже черна, как черно оперение ворона. А что мешало частицам души антихриста Нерона материализоваться в эту вещую птицу?.. Подобное обсуждение сохранилась в средние века. Это послужило причиной тому, что по указанию папы римского Пасхалия II была снесена родовая усыпальница Домициев, к которому принадлежал стяжавший такую жуткую славу император. Народ был убежден, что окружающие усыпальницу деревья служат приютом воронам, несущим в себе частицы души Нерона. Напоминаю читателю, что полное имя Нерона при рождении было – Луций Домиций Агенобарб (Домиций – родовая его часть). Имя Нерон он получил уже после воцарения, полным оно было таким – Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик. Трудно современному человеку расшифровать подобное имя, хотя сделать во времена Древнего Рима это было совсем нетрудно. Мать его Агриппина была дочерью Германика Цезаря и внучкой Друза Цезаря, а усыновлен Нерон был императором Клавдием Нероном. Вот из этих осколков имен и было создано имя императора. Император Нерон нес в себе семена двух древнейших патрицианских родов Юлиев и Клавдиев (потомки Энея и Ромула), он являлся символом вековой преемственности патрицианских родов основателей древнего Города.

Толпа собралась. Крики, визг!
И камни в рощу полетели.
И вороны взлетели в высь,
Взмахнув крылами, улетели.

По роще загулял топор.
До основанья склеп разрушен.
Чтобы Нерон до наших пор,
Не знал, куда упрятать душу!

Пусть топором изрублен сад,
За то, что в нем жили вороны.
Но сад совсем не виноват, —
Он душу не хранил Нерона.

Нерон был последним императором римского патрицианского происхождения, и он сделал все, чтобы разрушить символ патрицианской преемственности. Далее могли появиться попытки ее возродить – но, вот, продолжить ее после Нерона стало невозможно.

Но, продолжу то, что стало причиной однобокости освещения действий этого человека, взошедшего на вершину власти. Разве вы, раскрывая художественное полотно, несущее негатив уже в самом названии, можете рассчитывать на его объективность?.. Я приведу название только некоторых, в которых действующим лицом является Нерон: «Зверь из бездны» А. В. Амфитеатрова; «Камо грядеши» Г. Сенкевича; «Нерон, или актер на троне» В.С.Дурова.

Если само название соответственно настраивает психику читателя против одного из ведущих героев, то о какой объективности тогда может идти речь?

Поведение Нерона следует искать не в особенностях душевного склада, а в самом его воспитании, с учетом того, что нравы в римском обществе были далеки от пуританских. Напомню о том, что Ю. Цезарь, которым гордился Рим, был четырежды женат!

Но, продолжу о Нероне, в нем слишком многое было от эллинов, и этому есть объяснение. Восточного происхождения были его две кормилицы. Первые два наставника его – греки. Подбором материалов для чтения Нерона занимался грек из Египта. Первой любовницей его, с которой было связано необычайно сильное и светло окрашенное эротическое чувство, была гречанка-вольноотпущенница Акте. А вспомните эпизод одиозного брака Нерона со жрецом богини Кибелы Пифагором, в котором в роли «жены» выступал Нерон.

Отсюда не удивительно, что и самим Нероном были написаны две трагедии: «Аттис» и «Вакханки», где действие разворачивается в Греции, а действуют – эллины.

Неудивительным становится само увлечение Нерона театром, так же, как и желание самому играть на сцене. Разве актеры глухи к славе, даруемой им сценой? Так, что удивительного в том, что, желая театральной славы, и имея возможность насильем утолить актерское тщеславие, все чаще прибегал к насилию Нерон?

Слабостям императора потакали друзья, великолепно используя его актерское тщеславие. Для этого среди зрителей размещались в большом количестве группы молодых людей, «обеспечивающих» успехом выступления Нерона. Надо было видеть, как сияли и увлажнялись слезами радости глаза Нерона, когда он видел восторженные, ликующие лица и слышал крики: «Bravo! и bis!». Потом, уже войдя во вкус, прихлебатели императора стали следить за теми, кто во время выступлений Нерона не проявлял должного восторга игрою принцепса, искусно, искажая, рисовали патрону своему такую картину, что у того распалялся гнев. Нетрудно было так же искусно направить гнев на тех, с кем хотелось расправиться. Кажется, в характере Нерона было больше греческого, чем римского? И не удивительно, что Нерон значительное время проводил в Греции. Он был там и артистом, и глашатаем, и возницей колесницы в конских бегах. Непрерывные победы в состязаниях разного рода пьянили его. И он не мог не объявить Грецию – свободным государством! Она дарила ему то, что не мог дать Рим. И тут же следует поставить вопрос: как известие о таком подарке Греции было воспринято Римом? Скорее всего, оно было резко негативным.

Передо мною два Нерона,
Один, что белая ворона:
Певец, возничий, декламатор;
Другой – страшилище, тиран,
Гонитель мирных христиан,
Ну, словом, римский император.
Я вижу Грецию, Афины,
Иные могут быть картины,
Там властвует актер – Нерон,
Идет трагедия Софокла.,
На сцену взоры, речь умолкла,
Владеет публикою он.

Иное дело Рим. Арена
Картин иная перемена —
Толпа на сцене христиан.
По знаку открывают двери,

Голодные вбегают звери...
Восторги слышатся римлян.

Картина жуткая предстала,
Повсюду кровь людей хлестала,
Зверей рычанье, крики, вой.
Терзается людское тело,
Здесь обреченность, а не смелость,
Здесь казнь идет, не бой.

Между нами, живущими сейчас, и людьми прошлого пролегла пропасть времени, смен понятий, религиозных взглядов, а в душах наших тлеет, иногда, нет-нет, вспыхивая огнем, та же жажда наблюдения чужой смерти, чужих страданий. Батальные сцены кинофильмов, фильмы ужасов, разве это не атавизм жестокости?

Не будь вам сказано в обиду,
Зачем идете на корриду?
Чтоб посмотреть на смерть быка?
Римляне тоже, без затей
Шли посмотреть на смерть людей,
Так разве разница меж вами велика?

Что будоражит нервы? Кровь,
Или к страданиям любовь, —
С прибавкой ловкости движений
Того, кто властвует на сцене.
В агонии не ваше тело,
Душа не ваша отлетела,
Вот – плод всех ваших совершений!

Чем вы, зрители, рискуете? Да, ничем! Пощипывает кончики нервных окончаний сцена жестокости, рождающая у вас бурю эмоций. Выброс адреналина может закончиться даже тем, что не выдержит нагрузки уставшее, болезненное сердце ваше! Также во времена Древнего Рима, зритель ничем не рисковал, располагаясь высоко над ареной, защищенный каменной крепкой стеной. К тому же шли в цирк не только посмотреть сцены жестокости, но и себя показать. Складки пеплума (плаща) скрывали недостатки оплывшей от избытка жира, фигуры. Белоснежные из тончайшего льна столы (платья) молодых женщин, их завитые, уложенные в красивые прически волосы, тонкий запах ароматических масел возбуждали зрение и обоняние тех, кто еще не растерял во времени и пространстве дары богини Венеры. Простого покроя мужские тоги, с полосой пурпурного вета-свидетельство высокого общественного положения носившего их, и тоги без полосы, располагались так, чтобы владельцы их, не теряли из виду объект личного интереса, и, более главное, императора, ласкового взгляда которого всегда ожидали. Здесь, встретившись с друзьями и знакомыми, можно было в перерывах между сценами насилия, происходящими на арене, поговорить о делах, выпить вина и принять пищу, количество и качество которых зависело от толщины кошелька. Здесь можно было просто, от нечего делать, лицезреть толпу, состоящую из людей разных национальностей и разного общественного положения: простых римских граждан, актеров, комедиантов, вольноотпущенников, старых, покрытых многочисленными рубцами, гладиаторов и прочих, и прочих... Но вернемся к Нерону...

Воспитатель и друг Нерона философ Сенека не мог не воспитать в душе своего ученика чувства увлечения красотой, гармонией прекрасного. Не этим ли определяются действия императора в градостроительстве и зодчестве? Он был родителем архитектурной революции, изменившей как тип домов, так и планировку улиц. Для Рима характерны были скученность и теснота. Они воспринимались, как свидетельство сплоченности и гражданской солидарности. Никаких правил в постройке зданий до Нерона не соблюдалось. Чаще всего это был многоквартирный и многоэтажный жилой островок, в море таких же построек, этажи которого надстраивались от случая к случаю, поддерживались, чтобы он не рухнул, подпорками. А сколько, последовательно, за долгие годы появлялось пристроек, расширяющих дом, и делающих его безобразным? Улицы узкие, не спланированные, с множественными тупиками. По правилам установленным Нероном, улицы были расширены и выпрямлены. Дома ограничены собственными стенами, иными словами, запрещалось делать к ним пристройки. Запрещалось застраивать дворы. Ограничена этажность...

Для себя Нерон построил «Золотой Дом» – дворец. Начал он отстраивать его сразу после пожара, но не успел закончить. Дворец был построен в виде виллы, загородной резиденции, приспособленный к отдыху, и не просто к отдыху, а просвещенному отдыху и наслаждению природой. Он окружен садами и водоемами, с небольшими беседками на двух собеседников, миниатюрными каскадами. Отделка отличалась необычайной роскошью – строения дворца тонули в позолоте, драгоценностях и перламутре. Вестибюль представлял собой квадратный двор, окруженный портиками, в центре которого возвышалась 35-метровая статуя Нерона, отличавшаяся поразительным портретным сходством. А какие фрески на стенах! Взятые они из греческой мифологии, связанные с причудливым сочетанием форм, в природе разобщенных, с метаморфозой и травестией. Фресковые сюжеты и мотивы использовались для перспективного «пролома» стены и создания в замкнутом объеме комнаты ощущения пространственной бесконечности.

Архитектурная реформа оказалась не всем приятной. Все это демонстративно противоречило римским традициям, вкусам и нравам, так что после Нерона Тит Веспесиан снес большинство построек, сделанных Нероном, а на месте искусственного озера выстроил Колизей и подарил его городу. Чем это можно было определить, если не ненавистью к Нерону? А ведь Тит был один из тех, кому доверял Нерон, кого он послал усмирить взбунтовавшуюся Иудею!

Пожар вспыхнул глубокой ночью и быстро набрал силу, захватывая один жилой массив за другим. Небеса окрасились в грозно багровый цвет, блики огня играли на водах Тибра. Толпы людей металась в огне. Многие, горя, как факелы, бежали к реке и бросались в струи ее. Клубы дыма заволокли Рим. Несло запахом горелых тел людей и животных...

Пламя гуляет. Огонь до небес.
 Рушатся стены и крыши.
 Целый поселок лавчонок исчез,
 Бога огня люди слышат.

С шумом и треском на виллу напал,
 Лижет с урчаньем другую,
 С крыши на крышу он в пляске скакал,
 Нет, не унять... ни в какую!

Съест до чиста все, что может гореть,
 А не сгорит, так – оплавит.
 Скольких настигнет внезапная смерть...
 Пепел, да кости оставит!

Мне кажется нелепым обвинять Нерона в поджоге Рима, мотивируя тем, что, уничтожая постройки старого типа огнем, Нерон подготавливал площадку для строительства новой, прекрасной планировки, столицы.

Только Нерону не нужен пожар.
Кара постигла столицу!
Сколько, создав недомолвок и свар,
Рим породил небылицы!

Отрицать сам факт огромного пожара нельзя. В 64 году в Риме возник самый грандиозный пожар. Он уничтожил большую часть города, лишил крова сотни тысяч людей. Причины пожара точно не устанавливаются. По одной версии первыми загорелись бесчисленные лавчонки, которые в большинстве своем принадлежали выходцам с Востока. Так как христиане считались одной из восточных сект, то и ярость римлян, пострадавших от пожара обратилась главным образом против них. Тем более что основоположники христианства, как и сами христиане, были иудеями, которых римляне не слишком жаловали и ценили. Нерон уловил настроение народа, и обрушил против них чудовищные репрессии. Возможно, такими репрессиями Нерон отводил от себя обвинение в поджоге города. Ненависть императора, враги его распускали подобные слухи. Таких свирепых преследований не было еще в Риме. Не отсюда ли и отношение христиан к личности самого Нерона? Как говорится на Руси: «Как аукнется, так и откликнется! А может, фундамент ненависти был заложен теми, кто разрушительную силу естественных и искусственных событий (пожар в Риме и последующий за ним голод) решили переложить на плечи одного императора? Но одному, даже человеку семи пядей во лбу, ноши такой не понести.

Впрочем, разве только один Нерон так жестоко относился к христианам? Вот, что пишет Тацит, родившийся всего через двадцать лет после казни Христа: «Христа казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат. Подавленное на время это зловерное суеверие стало снова прорываться наружу и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме». Как видите, оценка христианам дана самая отрицательная.

А лучше ли обращались с христианами даже во времена «доброго» императора Траяна? Жил в те времена известный аристократ, оставивший о себе память письмами, являющимися не только источниками сведений, но и образцами художественного творчества. Имя его Плиний Младший. Среди множества его писем есть одно, посвященное судебному дознанию относительно афинских христиан. Вел дознание это сам Плиний. Был какой-то анонимный донос, по которому велось следствие. В ходе следствия список обвиняемых сильно разросся. Среди обвиняемых оказались и люди «нежного», как пишет Плиний, возраста и взрослые, и женщины, рабы и свободные, в числе их и такие, кто обладал правами римского гражданства. Разбирательство велось сообразно правовому статусу каждого. Рабов допрашивали под пыткой, считая только таким путем достижения истины. «Безумцев» из тех, что обладали правом римского гражданства, Плиний отправлял для допроса в Рим, а упорствующих местных жителей казнил своею властью. Отрекшихся от христианства – отпускал. «Они утверждали, – пишет Плиний, – что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они обычно, по определенным дням собирались на рассвете, воспевали, чередуясь, Христа, как бога... После этого они расходились и, приходили опять для принятия пищи обыкновенной и невинной... Тем более, счел я необходимой под пыткой допросить двух рабынь, назвавшихся прислужницами, что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия... Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но, кажется, ее можно остановить и помочь делу». Рим в тот период времени был веротерпим, христиане

вызывали подозрение властей, прежде всего как тайные общества, неведомо, что замышлявшие. В обстановке брожения, переворотов, противоправительственных заговоров власти подозрительно относились к таким организациям и запрещали их. Вот, каков был ответ на письмо Плиния императора Траяна: «Выискивать христиан незачем; но если поступит донос – наказывать, раскаявшихся – помиловать». Возникает вопрос: а за что наказывать? Ведь в Древнем Риме в правление императоров не преследовали тех, кто верил в финикийских богов и богинь. И строились в Риме храмы богов Древнего Египта. В этих верованиях жестокостям уделялось немало места, А вот религия, зовущая к всетерпению, мирная в основе своей, объявляется зловредной. Все, вплоть до чудовищных казней, направлено на искоренения христианства. А не лучше ли начать борьбу против веры, обезглавив ее, убрав из нее само рождение и существование Иисуса Христа? Пожалуй, так и делали! Но, не удалось вырвать из памяти людской имя создателя христианской церкви, ни массовыми репрессиями, ни казнями жестокими.

В греческой редакции книги «Иудейские ценности» Иосифа Флавия, родившегося всего через несколько лет после смерти Спасителя, есть такой абзац: «В это время жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершал чудесные дела и был учителем людей, жадно воспринимающих истину. Он привлек к себе много иудеев и многих эллинов. Он был Мессией. И когда Пилат по обвинению наших первенствующих лиц приговорил его к распятию, те, кто с самого начала возлюбили его, остались ему верны. На третий день он явился им снова живой, как о том и о многих других чудесных его деяниях предвосхитили боговдохновенные пророки» Странно, конечно, слышать подобное, прежде пребывавшего в секте фарисеев – ярых оппонентов Иисусу Христу? Можно было бы считать это попыткой подлога... Но, такой же текст был обнаружен во флорентийской библиотеке св. Лаврентия, на арабском языке.

Для меня, как, возможно, и для тебя, мой читатель, важно, что подтверждение начала христианского учения услышать от того, кто писал об этом раньше, чем появилось первое Евангелие. Но, пора, вернуться к деяниям Нерона.

По второй версии город, еще раз повторяюсь, был подожжен по приказу самому Нерона. Согласно ей Нерон стремился пережить небывалое острое художественное наслаждение, видя, как гигантский костер охватил миллионный город.

Обе версии, с какой бы стороны их не рассматривать, претворяют Нерона в образ лютого монстра.

Забывают при этом, что Нерон тут же создал временные убежища для погорельцев и наладил их питание, за счет своих средств произвел очистку города от завалов и пожарищ, отстроил портики, дающие возможность людям прятаться от палящих лучей солнца. Казна стала выдавать субсидии тем, кто брался за строительство новых домов с обязательством закончить их в кратчайший срок.

Нерон пытался облегчить положение плебса. Его интересам соответствовали проведенные Нероном реформы в области судопроизводства и взимания налогов. Скажем, судебные расходы, прежде выплачиваемые тяжущимися сторонами, стали оплачиваться теперь из казны, за судебную защиту устанавливалась твердая плата, что давало и бедному возможность судиться с богатым. Налоги стали дифференцированными, завися от материального благосостояния. Это, патрициям, составляющим Римский сенат, не могло нравиться.

Все приводило к большему противостоянию между императором и сенатом. Не отсюда ли возникновение заговора, составленного офицерами преторианцами, предложившими Пизону возглавить римское общество? О таком странном заговоре мне еще не приходилось слышать? В составе его, если не считать самих преторианцев, были преимущественно друзья Нерона. Ну, скажем, фигура Луция Кальпурния Пизона. Это был добрый приятель императора, участник его оргий, певец, актер-любитель, виртуоз игры в шашки, а так, вообще – человек родовитый, обходительный, популярный, оказывающий многим судебную и денежную помощь. Думаю,

и никак не могу представить его главой заговора, не получается у меня – и все! Ну, никогда не было у него ни философских, ни государственных идей. Скорее, Пизон – простой прожигатель жизни. Или берем, к примеру, Петрония, тоже входящего в круг друзей Нерона, ведь это же, добрый, рассудительный, известный Риму писатель, автор Сатирикона. Ну, какой из него заговорщик?.. В отношении участия Лукана в заговоре у меня сомнений нет, такой человек мог стать заговорщиком, но рядовым, а не возглавить его. В его исторической поэме «Фессалия», читаемой, правда, с трудом, посвященной борьбе между Цезарем и Помпеем, можно уловить политическую направленность, она вся пронизана неприязнью аристократической оппозиции к имперскому режиму. Что изменило его взгляд и отношение к друзьям? И расправлялся с заговорщиками Нерон как-то странно? Не было допросов, не было мер физического воздействия. Большинство из них сами покончили с собой, получив приказ Нерона, в том числе покончил с собой и Петроний, один из светочей римской культуры того времени.

У меня нет никакого желания обелять действия Нерона. Но вот недоверие к Тациту, римскому историку, резко осуждающего Нерона, возникает постоянно. Описывая действия Нерона таким образом, как это делает он, виден не деспот и тиран, а виден человек, которому не доверяют окружающие именно потому, что в нем осталось слишком мало от римлянина. Это римлянин должен быть жестким, жестоким, неудержимым, а всего этого и нет у Нерона.

Тацит сообщает о том, что по приказу Нерона убита его мать Агриппина. С этим можно согласиться, поскольку убийства близких в те времена были, они не являлись редкостью. Но вот Тацит сообщает о любовной связи Нерона с Поппеей Сабиной, женой Сальвия Отона (будущего императора Рима 69 года) и вступает в 62-м году с нею в брак. Вопрос у меня возникает первый: если Нерон деспот, почему он оставляет в живых мужа, забирая у него жену? Чтобы вступить с Поппеей в брак, императору нужно было развестись с прежней своей женой Октавией. А для этого нужен серьезный повод. Тацит сообщает: «На основе ложных обвинений Нерон принуждает свою жену к разводу. Потом Октавию убивают по его приказу». Зачем ее убивать, возникает у меня вопрос, если он с ней уже разведен, и она становится для него посторонним человеком? Тот же Тацит сообщает, что в 65 году при зловещих и не до конца ясных обстоятельствах Поппея умерла. Опять возникает вопрос: коль обстоятельства неясны, почему все зловещее навешивать на Нерона? Появляется трагедия «Октавия», авторство ее приписывают Сенеке. Такая трагедия – прямое оскорбление Нерону. Теперь мне становится ясным, почему Нерон отдал приказ своему учителю принять яд!

Но самым потрясающим для моего сознания было знакомство с заключительным периодом правления Нерона. 19 марта 68 года Нерон в Неаполе наблюдал за упражнением атлетов. Ему доложили о том, что в Лугдунуме (ныне французский город Лион) состоялся съезд галльских племен, объявившим Нерона узурпатором и предложившим императорскую власть Юлию Виндексу, наместнику одной из галльских провинций, кстати, галлу по происхождению. Тот это предложение отклонил, но убедил принять его наместника Тарраконской Испании Сервия Гальбу. Гальба двинул свои легионы. До Нерона доходили слухи о ненадежности его легионов находящихся в африканских и германских провинциях. И здесь Нерон проявляет полную нерешительность. Вместо того чтобы задавить мятеж Гальбы в зародыше, Нерон продолжает жить в Неаполе, проводить время в пирах и утехах. Он непредсказуем... В первых числах марта он отдает приказ убить Гальбу, но в конце этого месяца, а именно 27 апреля узнает, что его приказ не выполнен. Почему не выполнен? Только после этого он возвращается в Рим, отзывает войска, находившиеся в войне против кавказских племен, и объявляет о своем намерении удалиться от тяжести власти в Египет, но опять впадает в полное бездействие. Не укладывается все эти действия в схему сильной жестокой личности!

Его бездействие приводит к тому, что в Риме возникает нехватка продовольствия. Люди из городской массы, плебеи, привыкшие жить от его щедрых подачек, не получают их, становятся мрачными, злыми и чего-то ждут? Преторианцы и их префект Офоний Тигеллин на всю

весну куда-то исчезают? Возникает вопрос: кто дал приказ ослабить охрану императора? И, наконец, 10 июня второй префект Нимфидий Сабин уговаривает сенат признать императором Гальбу. Это уже знак дан Нерону, что власть его кончилась! Нерон уезжает из Рима и на следующий день кончает с собой. Говорят, что ему и на этот шаг не хватило духа, и он попросил раба вонзить в него меч. И опять возникает масса вопросов:

Кто же низверг Нерона? Может для этого поднять на щит Виндекса с его безоружной провинцией? Или героем избавления от Нерона сделать Гальбу с его единственным легионом войск? Нет, виноват Нерон сам, оказавшийся в решительную минуту слабым? Но, если он оказался такой слабой личностью, что не мог защитить самого себя, почему он проклят?

Мне первые периоды правления Нерона понятны, они укладываются в обычные исторические условия. А вот там, где начинаются действия, за которые его проклинали, описаны римскими историками слишком схематично. Создается представление о том, что речь идет о совсем другом человеке, а не о Нероне.

Могли в таких условиях после насильственной смерти Нерона возникать Лже-Нероны? Могли, и они, действительно, возникали. Недаром, писатель Фейхтвангер создал роман с таким названием. Я не хочу писать на эту тему повесть. Замысел у меня состоял в том, чтобы показать, что в тех условиях возникать Лже-Нероны могли, а вот с такой «чужой» и к тому же жуткой биографией, какую сочинили историки для Нерона, надеяться на успех им было невозможно!

Опасное сходство, или «Железная маска»

Рождение близнецов опасно,
Когда занять им предстоит престол,
И справедливость ждать напрасно,
Когда момент венчания пришел
Восток решал задачу быстро —
В мешок соперника, и в воду,
(И крови нет, и руки чисты).
Не нужно труп показывать народу.
В нем мало милости и ласки,
Иное дело – мир Иисуса,
Чтоб не было надежд, искуса,
Соперника в тюрьму, да в маске...

Я, читая в подростковом возрасте продолжение «Трех мушкетеров» Александра Дюма – «Виконт де Бражелон или десять лет спустя», считал буйной фантазией ту часть повествования, в которой шла речь о «железной маске» Круто закрученный сюжет с попыткой замены царствующего короля Людовика XIV его близнецом Филиппом мне нравился. И я, соответственно моему возрасту, сочувствовал принцу, которому даже не пришла в голову мысль сопротивляться насилию, дав возможность Д'Артаньяну арестовать, надеть на себя маску, и отправиться с ним вместе в маске в крепость Сент-Маргерит. Там случайно оказываются Атос и юный Рауль де Бражелон, в руки им попадает серебряное блюдо, которому царственный пленник доверяет свою тайну. И пошло, поехало... Следует сказать, что изложенные события в последующих за «тремя мушкетерами» книгах значительно ближе к реальным историческим событиям, чем их начало. Однако доверия к себе они у меня почему-то не вызывали? И только позднее знакомство с историческими данными этой эпохи истории Франции, дали мне право думать, что мысли Дюма были правильными, хотя и неподкрепленными историческими документами. Несомненно, писатель имеет право на некоторую вольность в обращении с ними. Поэтому не следует произведения Дюма рассматривать, как серьезное историческое изыскание. Ну, скажем, Д'Артаньян, в историческом аспекте, никакого отношения к «железной маске» не имеет. Иное дело, когда идет речь о Никола Фуке, суперинтенданте Франции. В этом эпизоде истории мушкетер лично арестовывал всесильного министра и сопровождал его в Сент-Маргерит. Мало того, ему несколько лет пришлось исполнять и роль тюремщика, с которой он, кстати, справился великолепно.

И эпизод с серебряным блюдом имел реальное место в истории, но не юный Бражелон нашел это блюдо и принес его Атосу, а блюдо нашел рыбак, видевший, как его выкинули сквозь решетку окна крепости-тюрьмы. Правда, рыбак был человеком честным и, понимая, что ему невозможно стать владельцем такой дорогой вещи, направился в тюремный замок. Там он подвергся суровому допросу. Комендант замка Сен-Мар спросил дрожащего от страха рыбака, показывая на блюдо:

«Ты читал, что написано на нем?»

– Нет, не читал! Я не умею читать! – ответил рыбак.

Стража не посчитала за труд, отправиться в деревню, где проживал рыбак, и опросить его односельчан. Те подтвердили, что задержанный, действительно читать не умеет. После этого рыбака отпустили и оставили в покое.

Такое отношение к заключенному дает возможность представить значимость его. Если ему за столом полагалась серебряная посуда, если к столу поставлялись изысканные блюда, если обращение к нему должно было быть почтительным, – все это заставило людей, знакомых с этим эпизодом истории искать претендента на такое отношение. Кого только не предлагали на его место! Одни полагали, что им может быть граф де Вермандуа, незаконный сын короля Людовика XIII, осужденный на вечное заключение за то, что нанес пощечину Луи XIV в бытность того дофином. Другие видели в маске главу фронды, мятежного любимца парижской черни, герцога де Бофора, пропавшего без вести во время осады Кандии в 1669 году, связывая его исчезновение с замыслами кардинала Мазарини. Лицо претендентов постоянно увеличивалось, в том числе и за счет иностранцев. В этой роли побывали и сын Кромвеля, лорда-протектора Англии, и король Англии Карл I Стюарт (предполагалось счастливое избавление его от казни). Я не стану перечислять всех, поскольку иногда люди доходят до абсурда, предлагая каждый своего кандидата. Подумать только – был предложен даже Жан-Батист Поклеен, известный человечеству под именем Мольера!

Я предлагаю читателю одну из версий, которая существует, и имеет немало оснований для своего существования. Итак, Север Италии, проселочная неширокая дорога, по ней движется небольшая карета, без всяких гербов и знаков. Время действия – 2 мая 1678 года. День, прямо сказать, пренеприятный. С утра идет, не прекращаясь, проливной дождь. Порывы пронизывающего ветра подхватывают налету потоки воды и бьют ими, словно хлыстом, по деревьям, сбивая листья вместе с мелкими веточками, хлещут и барабанят по крыше кареты посланника французского в герцогстве Савойском аббата Эстрада. С ним в карете, расположившись на противоположном сиденье, находится граф Эрколе Антонио Маттиоли из герцогства Мантуя, что находится в Северной Италии. Разговор в карете был мирным и касается цели закрепления французской дипломатии в Италии. Воротами в Италию являлись в то время крепости Пиньероль, Казаль и Мантуя. Они закрывали пути в долину реки По. Герцогу Мантуанскому принадлежал маркизанат Монферрат, столицей которого городом Казаль и хотел завладеть король Франции. Сидящему сейчас в карете аббату Эстраду было поручено ведение закулисных дел не только с герцогом Мантуи Карлом IV, но и его министрами графами Маттиоли и Виаларди, маркизом Кавриани. Во Франции рассчитывали на ненасытную жадность герцога Мантуи. Легкомысленный и беззаботный, герцог большую часть своего времени проводил в развлечениях, находясь в Венеции и проигрывая остатки семейного состояния. Герцог не блистал здоровьем, его он подорвал в многочисленных любовных авантюрах. Герцог делал все, чтобы обогатиться, испытывая постоянную нужду в денежных средствах. Он уже давно, на много лет вперед, взял у ростовщиков займы под государственные налоги. Герцог Карл IV готов был продать все, нашелся бы только покупатель. Вместе с герцогом в Венеции часто бывал и граф Маттиоли. На него и обратил внимание французский посланник Эстрад. Он выяснил, что Маттиоли, являясь государственным секретарем, имеет огромное влияние на своего государя, Карла IV. После очередного бала, как бы случайно, граф и аббат встретились на городской площади. Оба были в масках, соблюдая осторожность. Более часа они обсуждали условия возможного соглашения, среди пунктов которого наиболее сложным был вопрос о цене крепости Казаль. Сумма была определена, определено примерное время введения в крепость французского гарнизона. Маттиоли при более поздних встречах убедил французов в том, что сделка проходит гладко. Маттиоли получил задаток платы своей «услуги» – 2000 экю. Неплохим был и бриллиант, стоимостью в 400 луидоров, подаренный графу Маттиоли самим Людовиком XIV при их личной встрече. Король обещал итальянцу, кроме того, место пажа его сыну при французском дворе, а брату Маттиоли богатое аббатство. Казалось, события развиваются более, чем успешно. Французы подготовили военные силы для введения их в крепость Казаль. Размещением французских войск должен был руководить полковник Асфельд. Полковник ожидает личной встречи с герцогом Мантуи, а вместо этого его на гра-

нице с Мантуей арестовывают по приказу испанского губернатора, как фальшивомонетчика, и препровождают в тюрьму. Оказалось, что о соглашении Франции, которое обещал Маттиоли, узнали при дворах Турина, Мадрида, Венеции. А ведь соглашение должно было быть секретным. Зачем же Маттиоли раскрыл свои карты? Только денежные соображения могли объяснить этот поступок. Неудивительно, что вскоре и в Вене знали об этом соглашении. Разоблачения были небезвозмездными, одни только испанцы заплатили графу Маттиоли за сверхсекретные сведения четыре тысячи пистолей.

Так что, реализовать соглашение между герцогом Мантуи и аббатом Эстрад французам не удавалось. Документы, подписанные Карлом IV, были объявлены им подложными. Герцог Мантуанский стал говорить о своем министре, как об авантюристе, а когда ему напомнили о его личной беседе с французским посланником, герцог отвечал, что он не забыл о самой беседе, но он отрицал о существовании соглашения по передаче французам крепости Казаль. Не стану останавливать внимания читателя на деталях этой истории, но она имела свое продолжение. Возмущение поведением графа Маттиоли во Франции было невероятным по накалу, поскольку «предательство» итальянского графа происходило на королевском уровне. Похитить и примерно наказать вероломного мантуанского графа предложили герцогиня Савойская и аббат Эстрад. Людовик XIV, подумав немного, дал согласие на арест авантюриста и «мошенника», но потребовал, чтобы это было сделано тайно, без огласки и «держать его в заточении так, чтобы никто об этом не знал».

Маттиоли вел себя крайне легкомысленно, не предполагая, что тучи над головой его не сгущаются, а уже сгустились. Поэтому он, не опасаясь, принял предложение французского посла сделать небольшую прогулку и обговорить возможность и условия личной встречи французского короля и герцога мантуанского. Граф Маттиоли полагал, что о его закулисных делах с Мадридом французам ничего не известно. Во всяком случае, лицо аббата было спокойно и приветливо. Ни единой нотки неудовольствия или упрека не сорвалось с уст его. Успокаивало и то обстоятельство, что аббат Эстрад был один, без вооруженного отряда сопровождающих лиц. Кроме того, встреча должна была происходить на территории мантуанского герцогства, где все было подчинено ему, Маттиоли. Граф отлично владел шпагой, так что и сам мог за себя постоять. Начало разговора тоже успокаивало. Речь шла о поездке Карла IV в Венецию, на карнавал. Маттиоли сел на своего конька, весело и подробно передавая все сплетни, которые ему удалось собрать в Венеции. В поездке туда, Его Высочество герцога Мантуанского, как всегда, сопровождал Маттиоли. Эстрад делал вид, что его интересуют придворные сплетни и любовные влечения герцога, хотя на языке вертелся вопрос, который так и хотелось напрямую задать болтливому итальянцу: «Откуда дожу Венеции известно о переговорах между Францией и Мантуей? Но вот, кажется, приличная дорога кончилась, следовало прекратить разговоры, чтобы случайно при раскачивании кареты, не прикусить язык. Карета временами сползала по грязи в сторону, временами погружалась глубоко в разбухшую от дождя землю, и требовались немалые усилия лошадей, чтобы колеса выкатились на твердую почву. По крыше кареты крупными каплями забарабанил дождь. Порывы ветра подхватывали отдельные капли и заносили их вглубь кареты. Подъехали к берегу реки. Обычно узкая, легко преодолимая, сейчас она широко разлилась. Мутный грязный поток пенился, увлекая за собой ветки деревьев и небольшие деревца целиком с корнями, подмытые и увлеченные потоком воды. Единственный мост, который соединял оба берега реки, оказался разрушенным. Чуть в стороне были видны строения небольшого постоянного двора. Эстрад предложил оставить карету. Пошли пешком, продолжая разговор.

Идти по дороге было невозможно, ноги расползались в глинистой, ставшей скользкой почве. Решили идти по мокрой траве. По-счастью, идти было недалеко. Дверь в помещение небольшой гостиницы была открытой. Их встретил приветливый француз-хозяин, низко кланяясь. Путники скинули намокшие плащи. Эстрад осведомился о том, могут ли они рассчи-

тивать на хорошее вино и мясо. Хозяин ответил, что и то, и другое у него имеется. Кроме того, он, притворно сетуя, сказал путникам, что переправа через речку ранее чем через день после того, как прекратятся дожди, невозможна, и предложил проезжим на этот срок небольшие комнаты. Когда через полчаса итальянец постучал в дверь комнаты французского посланника, чтобы предложить ему совместную трапезу, того в комнате не оказалось. Итальянец недоумевал, куда тот мог исчезнуть? Он и предполагать не мог, что аббат просто не хотел бросить тень на свое высокое положение, участвуя в последующих насильственных действиях над своим спутником, им же самим и подготовленных. Граф Маттиоли только успел войти в свою комнату, когда, рванув входную дверь, ворвались французские драгуны. Они схватили итальянца, связали, заткнули рот кляпом. Один из всадников перекинул тело графа через луку седла, вскочил на лошадь и легкой рысью направил ее в расположенную неподалеку крепость Пиньероль.

Когда вероломного итальянца доставили в крепость, ценных бумаг, на которые рассчитывали французы, производя арест, при нем не оказалось.

Искали инструкцию, подписанную военным министром Франции Лувуа, письмо короля Франции к герцогу Мантуи, ратификационные грамоты, – но всего этого не было. Маттиоли упорно не называл места, где находились документы. Прибегли к пыткам, стали угрожать смертью, только тогда итальянец написал письмо своему отцу, в Падую, и тот отдал секретные бумаги. Но ратификационных грамот среди них не оказалось...

Слухи об аресте Маттиоли быстро распространились. Забеспокоились и венецианцы, и испанцы. Потом поползли слухи о его гибели. Жена графа Маттиоли, считая, что мужа нет в живых, постриглась в монахини. А Маттиоли в это время находился живым и невредимым в Пиньероле, правда, теперь его уже звали Летаном. Имя Маттиоли исчезло навсегда. Граф провел в этой крепости четырнадцать лет, в полной изоляции от внешнего мира. Глубокие рвы отделяли крепость от города. Двойная линия толстых стен, четыре башни, и везде – охрана. Мрачная, зловещая, безмолвная тюрьма с тяжелыми решетками на окнах. Здесь провел, начиная с 1664 года, остаток жизни прежний всесильный министр финансов Франции Никола Фуке. Но Фуке повезло – его тюремщиком был деликатный мушкетер Д'Артаньян, чего не скажешь о Маттиоли. Тюремщиком итальянского графа стал беспощадно-суровый комендант, тоже бывший мушкетер, Бенинь Доверню Сен-Мар. Этот человек не верил никому и ничему. Скрытный, молчаливый, исполнительный, преданный королю до фанатизма, Сен-Мар всегда опасался заговора заключенных и, не дай Бог, бегства хоть одного из них. Тюремщик жил всегда в тревоге и в неусыпных подозрениях. Все остальное повествование о Сен-Маре и его заключенном совпадает с описанием, касающемся «Железной маски», сделанном Александром Дюма в книге «Виконт де Бражелон»

Только остаются сомнения, в том числе и у меня – был ли это все-таки Маттиоли? Скорее всего, это была личность значимостью неизмеримее обычного крайне незначительного итальянского княжества, пусть и значимого в геополитической игре.

Все познаваемо в сравнении. И ко всему человек привыкает. Одним из самых тяжелых испытаний, выпадающих на долю человека, является одиночество. При этом суть не важно, чем оно вызвано. Но, был ли по-настоящему одинок тот, который вошел в историю под названием «Железная маска»? Напротив, ему редко предоставлялась возможность побыть самому, наедине с собой! В помещении, в котором он находился, постоянно дежурили вооруженные люди, сменяя друг друга. Это обстоятельство не давало возможности узнику хоть на какое-то время освободиться от маски, ставшей настоящим лицом его. В помещении, которое он занимал, никогда не было зеркала. Он был лишен возможности видеть, каким образом время отражается на нем. Постоянное отсутствие прямого солнечного света, сделало кожу его невероятно белой и тонкой. Не было свойственной ей специфической жизненной окраски. Не оставляли его своим присутствием дежурившие и в ночное время. Станным было его пребывание в кре-

пости. Находясь постоянно в присутствии людей, он одновременно в полной мере ощущал свое одиночество. Люди, караулившие его, молчали. Ни единого слова не услышал он от них за множество лет. Узник привык к этому, и никогда не обращался к ним с вопросами, не сделали и они единой попытки заговорить с ним. Какими инструкциями руководствовались стражники, «Маска» не знал. Возможно, что им было дано указание применить против него оружие, при попытке освободиться от маски, или хотя бы сдвинуть ее в сторону? Если это было не так, то не возникало никакого иного объяснения тому, что они никогда не были безоружными. Мало того, он понимал, чтобы обнажить шпагу каждому из них требовались мгновения. Судя по выучке, стража прошла отличную подготовку, служа мушкетерами в королевской роте. Это означало и то обстоятельство, что все окружающие его лица были дворянами. Впрочем, узник никогда не сделал попытки освободиться от маски хотя бы потому, что он дал слово дворянина не делать этого. Возникало ли у «Маски» желание покончить с собой? Вполне возможно, но оно едва ли было осуществимо. Посуда, которой он пользовался, была из серебра, нож и вилка изготовлены из чистого золота и были настолько тонкими, что легко гнулись. Не следовало забывать, что покончить счеты с жизнью едва ли бы позволила и стража. И еще одно, христианин понимал, что самоубийство является тем путем, который после смерти на времена вечные погрузит душу в печаль великую, в муку вечную. А о том, что узник был христианином свидетельствовало то, что он никогда не забывал в молитвах обращаться к Богу, а книги, которые он читал, все, до единой, были религиозного содержания.

Время идет. Сен-Мара переводят из Пиньероля на Сент-Маргерит губернатором, за ним следует и «человек в маске».

Чем руководствовался Версаль, издавая такой приказ? Неужели возможностью организации побега из крепости? Но, организовать побег изнутри, находясь в условиях строгой и непрерывной изоляции, да еще при такой безупречной охране, было абсолютно не реально! Возможно, появилось такое желание у лиц, знающих «Маску», находящихся по ту сторону крепости? Возможно, страдалец дал о себе знать каким-то образом? А это означало бы раскрытие местонахождения узника и необходимость смены его. Кто теперь скажет?

Факт изменения местопребывания «Железной маски» произошел. Об этом знал крайне узкий круг государственных лиц. Что касается тех, кто охранял узника, то в их судьбе никаких перемен не произошло. Право отбора принадлежало новому губернатору острова и крепости Сент-Маргерит – Сен-Мару. И опять лица, охраняющие узника, не должны были знать, кого они охраняют, и не имели права менять свое местопребывания. Только Сен-Мар знал о том, кого он охранял, притом только в объеме определяемой инструкцией. Иными словами, знакомство с биографическими данными узника и у него было ограниченным. Все это и сделало в будущем полное сохранение тайны этой, по-видимому неординарной личности. Впрочем, выбирая для узника тюремщика, Людовик XIV хорошо знал того, кому он это доверил. Жаловаться на отношение к себе коменданта крепости и стражи узнику не приходилось. Оно было ровным и почтительным. Никто из тюремщиков не имел права находиться в присутствии «Маски» с головным убором на голове. Никто не имел права сидеть в его присутствии во время принятия им пищи. Стража молча, в должном почтении, производила сервировку стола и смену подаваемых на стол блюд. Также молча из графина наливалось вино в серебряный кубок узника. Пища готовилась из свежайших продуктов и по сервировке не намного уступала королевской. Узник не был ограничен в возможностях перемещения по помещению, занимаемого им. Наружных прогулок, в том числе и во дворе крепости он был лишен. Страдал ли заключенный? Об этом можно было судить по тем моментам, когда он приближался к решетке окна и, прижавшись лицом к металлическим прутьям, издавал глубокие вздохи. Находясь в Пиньероле, узник мог видеть из окна тюремного замка далекие зубцы горных вершин и недоступную осязанию зелень лесных массивов. Ветер доносил запахи трав. Ухо улавливало неясные шорохи ночного неба, шум дождя, далекий шум падающей с уступа воды, да

грохот небесных жерновов во время грозы. Теперь, в Сент-Маргерит, из окна можно было видеть вздымающую зелено-синюю толщу воды в тихую погоду, дадвигающиеся пенящиеся водные валы во время шторма. И еще можно было видеть узкую полосу желтого прибрежного песка. Море и берег в течение многих лет казались безжизненными. Воды вблизи крепости все суда обязаны были обходить стороной, а островитянам ходить вблизи крепостных стен не разрешалось.

Если в Пиньероле еще нельзя было исключить попытку освобождения узника, то здесь, на острове, она в ста процентах случаев была обречена на провал.

Да, сравнение условий пребывания складывалось не в пользу Сент-Маргерит. Но узник настолько свыкся с условиями заключения, что почти ничего не замечал. Только однажды он осмелился нацарапать несколько слов о себе на наружной поверхности серебряного блюда и выбросить его через решетку окна наружу. Попытка оказалась бесплодной. Блюдо попало в руки безграмотного рыбака. А узника предупредили о том, что при повторении попытки связаться с наружным миром, ему подберут такое помещение, через окна которого он может видеть лишь серые обомшелые стены самой крепости.

Узник и не догадывался, как впрочем, и сам Сен-Мар, что следующим местом заключения для «Маски» станет самая суровая и страшная тюрьма Франции, именуемая Бастилией.

После длительного пребывания на Сан-Маргерит, Сен-Мар достигает вершины своего служения, он получает назначение возглавить тюрьму №1 Франции – Бастилию в Париже. Пост очень престижный и хорошо оплачиваемый. Жалованье в 15 тысяч ливров, плюс 2,5 тысячи поступлений от лавочников, торговавших по соседству с тюрьмой. Итак, перед Сен-Маром 18 сентября 1698 года широко распахиваются ворота Бастилии. Тюремная карета ввозит вместе с новым комендантом и его подшефного узника. Тот тяжело болен, его выносят на носилках. Заключенного сопровождают вооруженные охранники, проехавшие для этого путь более тысячи километров. То, что заключенный был в черной маске, у парижских тюремщиков вызвало удивление и любопытство. Об этом заключенном писала своей подруге жена брата

короля Филиппа Орлеанского: «Один человек долгие годы провел в Бастилии и там же умер в маске. Рядом с ним находились два мушкетера, готовые его убить, если бы он снял маску. Он ел и спал в маске. Несомненно, это было нужно. К тому же с ним очень хорошо обращались, его хорошо обеспечивали, и он получал все, что желал. Он и причащался в маске; был он очень набожным и постоянно читал. Так никогда и не узнали, кто это был». «Маска» из «апартаментов» Бастилии уже никуда не переезжал.

Железною была ли маска?
Из атласа ли, бархата и шелка?
Была, естественно, – не сказка,
Родив немало кривотолков.

Явись она в Венеции, Турине,
Никто б о ней не говорил.
Под ней того скрывали имя,
Кто обвиняем в деле был.

Коль подозрения отпали,
Снималась маска – светел лик,
Родные с радостью встречали.
А осужден, бесследно сник.

Та маска временной была,

Защитою служила чести...
Из Франции пришла молва,
Ну, значит маска – не на месте!

Кто был под нею – вот вопрос?
Преступник? Жертва произвола?
В могилу тайну ту унес!
Одно, бесспорно – враг престола.

Условия пребывания в Бастилии были более тяжкими. Здоровье уходило, человек под маской таял. Через пять лет пребывания в тюрьме-крепости, он умер. Ранним мартовским утром из ворот крепости выехала телега, на ней стоял черный гроб. Сопровождали телегу два стражника, монах. На кладбище ждали могильщики. Короткая зауспокойная молитва, и над тем, кто так долго жил, отрезанный от мира, насыпан был холмик земли. И никаких следов в тюремных документах. И только в записях тюремного надзирателя появляется короткая запись об убитом: «Маршиали»

И все, о «Маске» забыли.

Но нашелся тот, кто первым заговорил о «железной маске». Оказывается, это сделал Вольтер. В 1760 году в своем «Siecle de Louis XIV» (Век Людовика XIV) он сообщил, буквально, несколько слов. Но эти несколько слов произвели большое впечатление. Его сообщение напоминало то действие, которое произвело в мире несколько фраз Платона об Атлантиде, занимающей умы множества людей в нашем мире. Вольтеровские слова о железной маске породило желание многих отгадать, кто же мог скрываться под этой маской? Перечень лиц, лица которых могли быть насильственно скрытых маской, был прерван самим Вольтером. Он выдвинул предположение, что под «железной маской» невольника находился старший брат Людовика XIV, ставшего жертвой честолюбия и политики жестокосердной. Беда заключалась в том, что доказательства этой версии у Вольтера были слишком слабыми. Взятие революционными массами королевской тюрьмы Бастилии, в которой содержали узника в железной маске и обнародование ее архивов ничего по истории «железной маски» не добавили.

Среди многих, кого интересовала судьба «Железной маски», был и наш поэт А. С. Пушкин. Вот что он писал: «Несколько времени после смерти кардинала Мазарини случилось происшествие беспрецедентное, и, что еще удивительное, неизвестное ни одному историку: Некто, высокого роста, молодых лет, благородной и прекрасной наружности, с величайшею тайною послан был в заточение на остров св. Маргариты. Дорогою невольник носил маску, коей нижняя часть была на пружинах, так что он мог есть, не снимая ее с лица. Приказано было, в случае, если б он открылся, его убить...»

И, возвращаясь к Александру Дюма, я не удивляюсь тому, что тот использовал эпизод с «железной маской» в своем произведении. Напомню о том, что знаменитый романист любил повторять, что история для него – лишь гвоздь, на который он вешает свою картину.

Но, возможно, и Вольтер, и Дюма были недалеко от своих подозрений. С простым человеком в те времена не церемонились. И если топор снес голову такому человеку, как герцог Монморанси, первому вельможе Франции, о котором говорили тогда – знатен, как Монморанси, следует задуматься, не близкая ли по крови к царствующему монарху приходилась голова, носившая маску до конца дней своих, если Луи XIV не решился отсечь саму голову? Боялся ли при этом Бога король? И, чего, не разрешая узнику снимать маску, опасался монарх?..

Забвение не коснулось «Железной Маски». Запущены даже компьютеры для решения вопроса, кто же эту маску носил? Но, несмотря на век электроники, в котором мы живем, несмотря на огромные возможности, мы и сегодня стоим не намного ближе к решению этой задачи, как это было и во времена Вольтера и Дюма, задачи всего-то с одним неизвестным.

Тень облекается плотью

Что люди глупые творят,
Когда приходит смута?..
Пройдет беда, и говорят:
«Виновны, бес попутал!»

Была Россия Ивана Грозного единою державой, жесткой рукою царя управляемой. Жестокость стала главной чертой государя, за то и Грозным прозвали. Все в «руце» божьей, бог видит и взвешивает деяния каждого. Двух злых подряд народу не выдержать! Однако, стань на место Грозного царевич Иван, такого же склада характера, как и отец его, не случилось бы того, что потом назвали мягким словом – «смутное время». Уродился сынок и внешностью, и характером неукротимым, на отца похожим. Пытался неоднократно отец учить сына, силу физическую применяя, да все безуспешно. Но, вот 9 ноября 1582 года в разговоре с непокорным сыном вспылел Иван Васильевич и ударил его посохом своим, да так неудачно, в висок попал. Десять дней царевич помаялся и скончался. Я полагаю, что царь был в отчаянии. Знал ведь, что второй сын Федор Иоаннович, от Анастасии Захарьиной-Юрьевой рожденный, был умом слабый. Понимал государь – второй сын не замена ему. Взгляд такой на реакцию Ивана Грозного, вызванную тяжким ранением сына, не только у меня. Он естественен для любого человека. Обычный и человеческий облик отца, а не Государя, гордо стоящего в одежде, золотом сверкающей, в шапке Мономаха и с посохом в руках, можно видеть на картине художника И. Е. Репина «Царь Иван и его сын». На лице раненого царевича нет выражения приближающейся гибели, оно не искажено муками страдания, зато так выразительно лицо Ивана Грозного, прижимающего к груди своей голову сына. Перед нами не царь, а отец, обезумевший от душевной муки совершенной им непоправимой беды!

Но царь в человеческом собрании должен был оставаться тем, кем он себя представлял ежедневно: носителем божьей воли, ответственным только перед богом за свои деяния. Да и ответственность своя представлялась Грозному всегда малой, незначительной. Отвалил от щедрот своих толику монастырю, пусть монахи молятся, грехи царские перед Богом малыми делают

Такой властитель богом дан —
Царь вспылчивый, жестокий.
Простому люду, господам
И девам светлооким —

Не попадаться на глаза,
Покорствовать, не спорить, —
Обманчива царя слеза
И тяжек в разговоре.

Невинных сколько загубил, —
Земля под ним стонала, —
Он сына посохом убил —
Такого Русь не знала.

Рвал волосы на голове?

Об стены тяжело бился?
Иль ночи долгие, во мгле,
Он плакал и молился?

Душа царя всегда темна,
Не видно светлых пятен.
Жестокость только и видна,
Гнев царский – необъятен.

На утро снова взор суров,
Жестокий, как всегда —
Десятки рубятся голов,
Опять пришла беда!

Оставалась надежда у Ивана Васильевича Грозного еще и на то, что Мария Нагая, на сносях находящаяся, родит ему сына. Царь истово молился богу о ниспослании ему благодати. Прошло всего десять дней после смерти царевича Ивана, как крик новорожденного возгласил о появлении на свет царевича Дмитрия. Но не суждено было юному царевичу вырасти, да на престол взойти. В девятилетнем возрасте, при невыясненных обстоятельствах царевич умер насильственной смертью, в граде Угличе, где в пору ту с матерью Марией Нагой находился. Говорили и тогда еще, что погибло царское дитя от рук убийцы, Борисом Годуновым подосланным.

Как и нынче делается, была создана следственная комиссия для выяснения причин случившейся беды. Боярин Шуйский, дьяки и подьячие людей порасспрашивали детишек, с царевичем игравших, поговорили и со взрослыми, бумаги нужные составили. Вывод был сделан такой: погиб царевич Дмитрий случайно, играя ножом « в штычки». Игра заключалась в том, что, собравшись в круг, дети бросают нож в землю таким образом, чтобы он лезвием в землю вошел, а рукоятка торчала вертикально вверх. Во время игры той с царевичем случай «падучей болезни» приключился (так в прошлом эпилепсию называли), он упал, и лезвие ножа вошло в шею царевича.

Естественно, такой вывод был очень и очень «проблемный». Но чего не сделаешь ради деревеньки и городка, пожалованного. Мог ли сомневаться в выводах комиссии царь-государь, умом слабенький, любимой игрой которого была ловля мух? Поймав одну из них, окаянную, держал государь муху легонько в кулаке, не сжимая накрепко пальцев, прикладывал к уху и долго-долго слушал жужжание. Муха вырваться старалась, а царь с блаженным выражением лица слушал, как она бьется в его царственной руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.